

Галина Романова

Университет некромагии.
Отдам покровителя в добрые руки

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

«От сессии до сессии...» Вот и наступила горячая пора для студентов четвертого курса факультета некромантии. Надо за три дня сдать пять зачетов и подготовиться к практике. А у Лильки Зябликовой свои проблемы — у любимого преподавателя обнаружилась аллергия, и не на кого-нибудь, а на ее, Лилькиного, домашнего кота Левиафана. Девушке грозит отчисление, если она в трехдневный срок не пристроит питомца в надежные руки. Вот только у кота на этот счет свое мнение, и он его еще всем покажет!

Галина Романова

**Университет некромагии. Отдам покровителя в
добрые руки**

© Романова Г. Л., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Из дневника кота Левиафана

Спит... Разметалась по подушке, одеяло на сторону сползло, а она сопит себе в две дырочки, даже не догадываясь о том, что ее любимый, единственный, неповторимый Левушка уже третий час не кормленный!

Нет, на самом-то деле больше, просто я давно уже понял, что с такой подопечной недолго и помереть с голоду и холоду. Кем бы я был, если бы не научился самостоятельно о себе заботиться? Где украдешь, где выклянчишь, где сам добудешь и в заначку спрячешь. А в суровые дни бескормицы достанешь мышку там, куриную косточку или рыбью голову — и, хвала святым котанам, еще пару часов можно продержаться, пока эта дуреха догадается миску наполнить.

Вот, кстати, вчера. Успела накормить меня только двумя завтраками, правда, второй был настолько обильным, что я все еще завтракал, а дверь уже хлопнула. И до обеда ее не было. Вернулась — думал, кормить будет, уже в голодный обморок приготовился падать, а она потрогала мое пузо и насыпала в миску... сухариков. Дескать, в тебе уже девять с половиной кило, давно пора на диету.

Ну, во-первых, не «уже», а «пока». Мне еще на два кило надо поправиться, потому что через каких-то полгода зима, а там оглянуться не успеешь — березень ^[1] наступил. И пусть только попробуют меня удержать! Стекло вместе с рамой выбью, как в прошлый раз, но праздник состоится! Так что ее диетические сухарики я закопал, да еще и сверху выразил свое к ним отношение...

Как выяснилось, зря. Ибо эта красавица задержалась чуть ли не до полуночи. Вернулась никакая, по стеночке. Долго пыталась меня поймать и что-то объяснить, но, голодный и вынужденный обратиться к заначкам, я на провокации не поддался и из-под кровати вылезать отказался. В результате с громким: «Жрать захочешь — сам полезешь!» — она высыпала кучу колбасных обрезков... как раз на мою «скульптуру» из сухариков и, так сказать, раствора, затвердевшего к тому моменту не хуже камня. Закопал и это тоже, после чего с тоской пошел дожевывать свои припасы на черный день. Нет, так-то я всеядный, хлеб и огурцы запросто могу сжевать, но на то, что оказалось в моей миске, даже отчаянные общежитские тараканы не польстятся, не то что я!

И вот уже три часа, как припасы закончились, а эта красавица все дрыхнет! Ну и что, что пять утра! А у меня режим. Первый завтрак всегда в пять часов, второй — в семь, третий — то, что не доел от второго, плюс то, что удалось добыть на столе. Потом обед и два ужина плюс ночной перекус. Я уже привык...

И вот мой режим летит в преисподнюю. Святые котаны! Да если бы не моя любовь и всепрощение, давно бы уже накатали жалобу в общество защиты животных...

Но ничего, я и сам с усам. Я отомщу. Мечь — это блюдо, которое подают в тапки. Ну не совсем в тапки, а в туфли. Вот в эти, черненькие, стильные, ее любимые...

И кто только такой дизайн придумал? Наверное, у него личные комплексы или детская травма сказалась. Потому как что это за туфли? Одна подошва и несколько ремешков! Как

сюда свои дела делать? Вот, помню, у бабушки в деревне какие были деревянные башмаки! Мы, весь выводок, пять мальчишек и две девчонки, в один могли ради «этого дела» залезть, и никто никому не мешал. А тут... Даже мой знак протеста в одну туфельку не влез, пришлось срочно, не прерывая процесса, пересаживаться во второй. Зато успел. Фык-фык-фык! Пусть теперь попробует их надеть!

Так, теперь этап второй. Одежда. Форменный сарафанчик, серая блуза, накидка. Все уже разложено, приготовлено... для меня.

Так... И в этом она ходит на учебу? Все тоненькое, ветрами продуваемое... Сейчас мы тебе натуральной шерсти добавим, для тепла. Я как раз линяю, а рыжее на темно-синем и светло-сером прекрасно заметно. Му-у-ур... Вот так! Жаль, я не белый и не настолько пушистый! На темном фоне светлое как прекрасно бы смотрелось, а так... придется брать количеством. Покатаюсь я, поваляюсь, хозяйкиного мяса наевшись... Тьфу ты, какое мясо, одна кожа да кости, диетами для похудения искалеченные! Но покататься и поваляться на разложенной с вечера институтской форме просто обязан.

А неплохо получилось! Креативненько!

Так, что там у нас? Колокол? Никак побудка? Сколько-сколько времени? Уже семь утра? Да вы с ума сошли! Пусть поспит, бедненькая. Ей на учебу только к восьми, а она и так умается. Ей ведь и туфельки отчищать, и сарафанчик вытряхивать, и голодного Левушку два раза покормить придется. Так что вот так, осторожненько подушку на ушко навалим — и вот колокол уже не слышен.

Замолчал? Уф, хорошо! А то устал подушку за угол держать зубами. Тэк-с, чем бы заняться? Поиграть, что ли? Что там у нас на письменном столе? Учебники и конспекты! Надо вещи убирать, не придется их искать! Самой-то ей некогда, приходится Левушке стараться... Нет, книги рвать мы не станем, они казенные. А вот этот пергамент, вдоль и поперек исписанный, явно не нужен. А шуршит-то как чудесно! Это же для меня создано!

Скатал его в шарик и, погнав немного по комнате, затолкал в дальний угол. Пусть теперь помучается, доставая из-за паутины. А то мои заначки она каким-то образом находит, а что-то полезное — ни разу.

Так, сколько там времени? Без четверти восемь? Надо же как время пролетело! Опаздывает, красавица. Ну да мы не звери, разбудим!

На а-абордаж!

— Мя-а-а-а...

— А-а-а-а!

Лилька вскочила, резко садясь на кровати и размахивая руками, как ветряная мельница. Рухнувший ей на грудь толстый рыжий кот с диким мявом шарахнулся прочь, заодно когтями задних лап прихватив и часть одеяла, которое сползло на пол.

— Левка! Скотина! — с чувством высказалась девушка. — Ты что творишь?

— Урр-ряу, — донеслось откуда-то из-под кровати.

— Ах ты... А? Что?

До Лильки внезапно дошло, что за окном как-то чересчур светло. Она невольно замерла, озираясь по сторонам:

— А... сколько времени?

— Мр-ря-а-а... — послышалось злорадное.

— Бес! — взвыла студентка, вскакивая и принимаясь метаться по комнате. — Проспала!

Ужас! А ты почему не разбудил?

— Умр-ряу?

Отмахнувшись от кота, Лилька торопливо схватила блузку — и выругалась, заметив, что светло-серый лен усыпан рыжеватыми волосками всех оттенков — от золотистого до коричневого.

— Левка! Скотина!

От досады девушка чуть не расплакалась и торопливо принялась отряхивать блузку. Доставать другую было некогда — больше времени потеряешь. Да если еще окажется мятая или грязная... Уж лучше так. Уф, вроде почти незаметно.

Пока она чистила сарафан, кот вылез из-под кровати и принялся тереться о ее ноги, надрывно мяукая и намекая на то, что его вообще-то положено кормить.

— Сейчас-сейчас, — отмахивалась Лилька, встряхивая сарафан. Рыже-желто-бурые волоски разлетались по комнате в разные стороны. — На, подавись!

Кусок рыбы шлепнулся в миску. Кот ненадолго отвлекся, зачавкал честно выклянченным завтраком и аж подпрыгнул, когда раздался визг:

— Левиафа-а-ан! Ну как это понимать? Во что ты превратил мои туфли?

Фык-фык-фык...

— Ну вот и в чем мне теперь идти? Неужели придется переобуваться в эти ужасные ботинки...

Однако времени оставалось слишком мало. Быстро сунув ноги в ботинки, купленные мамой к началу холодного сезона, но так ни разу и не надетые, Лилька не глядя покидала в сумку разложенные на столе книги и тетради, быстро проверила, на месте ли перо и чернильница и...

...споткнулась о кота.

— Левка! Ты чего?

— Мур-ряу-ряу-уа-а-ау... — жалобно простонал он, распластавшись на полу огромной пушистой морской звездой.

Девушка мигом забыла о том, что куда-то спешила, и опустилась перед ним на колени:

— Левушка? Левиафанчик? С тобой все в порядке?

— У-ау, — из последних сил выдохнул кот и выразительно покосился куда-то серозеленым глазом.

Проследив за направлением его взгляда, Лилька обнаружила совершенно пустую миску. То есть миска не была так уж пустой. На дне оставалось несколько сухариков, украшенных высохшими следами чьей-то жизнедеятельности.

— Фу, какая гадость! Это ты сделал?

Кот покосился на нее одним глазом и скривился: «Как ты могла такое подумать? Я отлично знаю, где находится лоток, и перестал путать его с ковриком для ног еще пять лет тому назад!»

— Хорошо. — Лилька встала на ноги. — А где рыба?

Кот испустил вздох мученика, пытаемого голодом и жаждой.

— Рыба, Левка, — напомнила девушка. — Тут лежал кусок рыбы!

Кот выразительно покрутил мордой: «Рыба? Какая рыба? Тут со вчерашнего дня валяется только эта вонючая гадость, на которую приличному коту даже смотреть-то совестно!»

— Ну, Левка! — простонала девушка. — Я же опаздываю!

Кот попытался встать на лапы, но упал и так правдоподобно изобразил голодный обморок, что Лилька вздохнула и смирилась. Но, вместо того чтобы помыть кошачью миску, она просто шлепнула на вторую тарелку новый кусок рыбы и устремилась к двери.

— Ешь!

Последнее, что она заметила прежде, чем переступить порог, был рыжий кот, который, не прерывая обморока, медленно полз к вожделенному куску.

Колокол, который сигнализировал о начале занятий, Лилька услышала уже на ступеньках общежития и тихо выругалась. Опоздала! Так и знала. Счастье еще, что студенческий городок — три общежития для студентов и аспирантов и пять коттеджей, в которых обитали преподаватели, — находился рядом с университетом. Достаточно было пробежать мимо всех коттеджей и обогнуть столовую с примыкавшими к ней теплицами.

К сожалению, по иронии злой судьбы корпус, в котором у ее курса сегодня были занятия, находился дальше всех, так что к тому моменту, как Лилька добралась до аудитории, лекция шла уже четверть часа.

На робкий Лилькин стук обернулись все — и профессор теологии пра^[2] Гонорий, и студенты.

— М-можно?

— Какое счастье, дочь моя, что вы соизволили почтить нас своим присутствием, — пробасил тучный профессор. — Мы уж не чаяли, что еще раз увидим ваш светлый облик в этих скромных стенах...

— Я н-нечаянно, — пролепетала Лилька.

— Это ваше «нечаянно», студиозус Зябликова, повторяется так часто, что я начинаю верить в то, что вы имеете что-то против моего предмета. Надеюсь, вы не забыли, что нынешняя лекция отнюдь не последняя и после практикума нам еще предстоит с вами теплая встреча на экзаменах?

Теология и космогония с некоторых пор входили в число предметов, которые в обязательном порядке включались в экзаменационные билеты. Возглавлявший кафедру теологии пра Гонорий был не из тех, кто забывает долги.

— Я помню, — вздохнула девушка.

— Сомневаюсь, дочь моя, — поджал губы теолог. — Из-за чего вы проспали на сей раз?

— Из-за кота, — прошептала она. Не признаваться же в том, что вчера отмечали день рождения подружки с факультета целителей! Благодаря эликсирам, которые именинница раздала всем гостям, обошлось без похмелья, но какой в этом смысл сейчас, если она проспала, опоздала и вообще...

— Из-за кота? У вас есть кот?

Лилька обреченно кивнула. Не заметить толстого рыжего кота было трудно. Побочным эффектом его присутствия становилась периодическая пропажа продуктов из кладовки, а также резкое увеличение поголовья рыжих котов во всем районе. Зато мышей и крыс для лабораторий приходилось чуть ли не из другого города поставлять, настолько редкими животными они стали в этом районе Зверина.

— Ваш куратор в курсе, что вы держите в общежитии... животное?

Лилька кивнула, надеясь, что пра Гонорий не побежит к профессору телепатии мэтрессе Деборе Шмыговой по прозвищу Мозгошмыг за разъяснениями. Иначе всем станет ясно, что студентка врет.

— Ну, если так... садитесь, студия Зябликова. Однако ради вас я не намерен возвращаться к началу и повторять то, что вы должны были записать и понять с первого раза! Итак, продолжаем: «Таким образом выходит, что мироздание обладает самостоятельным регулирующим механизмом своей деятельности, которая косвенным образом воздействует на все окружающее...»

Студенты прилежно заскрипели перьями. Лилька вздохнула, бочком пробираясь к скамьям.

— Иди сюда! — Сидевший с краю на втором ряду парень подвинулся, освобождая ей место. — Я тебе занял...

— Спасибо. — Девушка устроилась рядом. — О чем лекция?

— Не переживай, я тебе дам списать. — Парень улыбнулся и снова застрочил пером.

— Спасибо, Валь.

Лилька устроилась рядом, развернула стопку на живую нитку сшитых листов и начала писать, особенно не стараясь поспеть за лектором. Рядом уверенно строчил Валька, и девушка полностью понадеялась на него. Валька и лекцию даст списать, и на экзамене подсказет, и вообще... Хороший он друг, Валька.

На самом деле он, конечно, не Валька и даже не Валь, а граф Вальтер фон Майнц, да еще из тех самых фон Майнцев, а именно из династии, приближенной к королевской семье.

Когда на курсе узнали, что с ними будет учиться настоящий герцогский сынок, у девчонок разом отвалилась челюсть. И русоволосого улыбчивого паренька рассматривали, как иноземную диковинку. И дело не в том, что выходцы из аристократии редко становились студентами. Ведь все знали об указе, запрещающем представителям некоторых знатных семейств обучаться некромантии. Король-некромант на троне или даже некромант в числе королевских советников — это катастрофа. Вальтеру фон Майнцу пришлось долго объяснять, что он тут ни при чем: «Я ведь не настоящий фон Майнц, а только наполовину...»

Вальтер был третьим сыном, а его матушка была второй женой герцога фон Майнца. По происхождению она была намного ниже супруга, титул баронессы ей приписали, чтобы совсем уж не позорить семейство, а родители ее происходили из династии ювелиров. Сам Вальтер от этого ничуть не страдал, и довольно скоро девушки поняли, что он такой же парень, как и все остальные. И даже учится лучше многих, всерьез собираясь уйти в науку. Лилии Зябликовой такой поворот дела очень нравился: помешанный на науке Валька вполне устраивал ее как друг, ходячая энциклопедия, помощник и советчик во всех щекотливых вопросах. Сейчас вот он выручит ее с лекцией, а потом... кто знает, на что еще может понадобиться хороший и верный друг! Они с Вальтером дружили чуть ли не с первого курса, и девушка успела к нему привыкнуть. В такого можно было и влюбиться — красивый, умный, добрый, верный, честный, знатный, без недостатков, но...

Но сердце девушки уже было занято другим. Эх, где-то он сейчас? Сколько еще минут им ждать встречи?

— Студия Зябликова!

Девушка аж подпрыгнула. Перо дрогнуло в руке, и с его кончика сорвалась жирная клякса, упав точно на середину листа.

— Студия Зябликова. — Пра Гонорий смотрел на нее в упор, скрестив руки на обширной груди. — Извольте поведать аудитории, о чем таком интересном вы задумались, что интереснее лекции? Между прочим, все, что я говорю, будет на экзамене!

Девушка медленно поднялась.

— Я... задумалась... задумалась... о том, что вы говорили, — пролепетала она.

— Вот как? И о чем же конкретно? Какое место в моей лекции вызвало у вас столь живейшей интерес? Сообщите. Может быть, ваша мысль достаточно оригинальна для того, чтобы мы обсудили ее всем курсом?

Пытаясь оттянуть неизбежное, Лилька обвела взглядом сидевших рядом парней и девушек, как бы размышляя, стоит или нет доверять им то, что лежит на сердце. На самом деле она отчаянно ждала — не подскажет ли кто-нибудь ей ценную мысль.

И ценная мысль пришла. Именно как мысль: «Влияние нашего разума на совершающиеся события обратно пропорционально масштабу этих событий...»

— Влияние нашего разума на события, которые совершаются обратно пропорционально в масштабе Вселенной, — послушно забормотала Лилька, — они как бы... ну... э-э... влияют...

Валька рядом с ней тихо застонал сквозь стиснутые зубы.

— Очень интересно. — Пра Гонорий сошел с кафедры. — И как вы можете это интерпретировать?

Уже догадавшись, кто подсказывает ей с помощью телепатии, девушка тихо наступила Вальтеру на ногу под столом. Он прикусил губу, но не дрогнул.

«Это означает, что чем масштабнее событие, тем меньше наше влияние на совершаемое событие», — пришла от него мысль.

— Это означает, что масштабное событие — оно меньше, чем...

— Чем что?

— Чем... чем совершаемое событие!

Тут и там послышались смешки.

— Милая девушка, вы хотя бы дословно повторяли то, что вам телепатируют, а не пытались импровизировать, выдавая ваш лепет за собственные умозаключения, — сказал профессор. — Тем более что молодой человек искренне пытается вам помочь, а вы...

Валька сидел красный как рак, но мужественно не опускал взгляда под перекрестным огнем любопытных глаз.

— Присаживайтесь, студюзус Зябликова, — вздохнул пра. — А вам, молодой человек, я хочу еще раз напомнить, что экзамены будут проходить в аудитории, защищенной от мысленного воздействия. Так что вашей прелестной соседке придется переступить через себя и все-таки выучить мой предмет.

Теперь покраснела и Лилька, плюхнувшись на место.

— Ты не мог думать потише? — шепотом напустилась она на Вальку.

— Как умею, так и думаю. Прости, — извинился он. — Я хотел, как лучше...

— Он теперь меня точно живьем на экзамене съест.

— Авось не съест. До экзамена еще полгода, — обнадежил парень. — Авось забудет...

Но Лилька покачала головой. Память пра Гонория была притчей во языцех.

А тот уже как ни в чем не бывало продолжал диктовать лекцию, и Вальтер снова принялся писать. Вздохнув, девушка отложила испачканный кляксой лист и тоже начала выводить букву за буквой. Но мысли ее витали по-прежнему далеко, и колокол, знаменующий завершение занятия, она даже не сразу услышала. Опомнилась, лишь когда вокруг все задвигались, как попало пихая пергаменты в сумки, пряча перья в футляры и торопясь к выходу.

— Студюзус Зябликова, если вы думаете, что я собираюсь продолжать диктовать что-то

специально для вас, то вы ошибаетесь, — раздался рядом голос пра Гонория. — Сейчас сюда придут первокурсники... Хотя мне почему-то кажется, что тему «Мифы весенне-летнего природного цикла» вам тоже нужно повторить. Уж если вы за три минуты забыли все, мною сказанное, то наверняка не помните то, что было три года назад.

Девушка сорвалась с места.

Вальтер ждал ее в коридоре, переминаясь с ноги на ногу.

— Пошли? — только и спросил он.

— Пошли, — кивнула Лилька. — Что у нас сейчас?

— Лекция по некромантии. А потом еще практическое занятие по нежитеведению.

Некромантия! Лилька задохнулась. Как она могла забыть? На сегодняшней лекции произойдет то, что весь курс ждал уже несколько недель, с тех пор как было объявлено о дате начала преддипломной практики. Лишь одна мысль сбила ее с тревожно-романтического настроения:

— Слушай, а ты домашку по нежитеведению сделал?

— Реферат «Жизненный цикл истинного оборотня»? Ага.

— Дашь списать?

— Конечно. Только... ты это... ну... — замялся парень.

— Да ты что, Валь? — Лилька остановилась, хлопнула ресницами. — Думаешь, я на тебе до конца учебы выезжать буду? Я ведь учу. Честно-честно! А это... просто мы день рождения вчера отмечали, вот я и забыла.

Она скорчила умильную гримаску и улыбнулась, отлично зная, что Вальтер за ее улыбку в лепешку расшибется. Хороший он все-таки парень, безотказный. Все сделает, главное — правильно попросить.

Вот и сейчас он вздохнул, прикусил губу...

— Ладно. — И полез в свою сумку.

— Ой, спасибо! — Лилька жадно выхватила из его руки несколько перевязанных бечевкой пергаментов. — Ты настоящий друг! Я тебя даже поцелую... потом. Если захочешь!

Судя по лицу парня, он этого хотел. Очень-очень. Но вздрогнул, обиженно заморгав, когда Лилька, развернув пергаменты, возмущенно протянула:

— Ну ты и дурак! Вот на кой ляд ты столько написал? Тут же пять... нет, шесть страниц! Да разве я это за полчаса все скопирую? Не мог покороче? Вот дура-ак... Мне же неуд влепят! И это в конце семестра! Ой, Валька, ты меня убил!

Девушка чуть не расплакалась, и парень тихо потянул у нее из руки пергаменты:

— Я могу сократить.

— Когда? Через полчаса начнется занятие, а нам еще в соседний корпус топать!

— Я успею, — набычился он. — Ты не сомневайся!

— А почерк?

Он глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду:

— Ничего, что-нибудь придумаю!

— Ну смотри, — смилостивилась Лилька, — я в тебя верю!

Она еще на позапрошлом курсе поняла, что на Вальку всегда можно положиться. Можно не писать лекцию от слова до слова, можно не стараться учить домашнее задание. Можно даже вообще его не делать — Вальтер фон Майнц всегда рядом, всегда поможет, подскажет, выручит. И верный к тому же. Эх, если бы!

Преподавателя некромантии любили все девушки всех курсов. Нет, даже так — боялись, боготворили и обожали, несмотря на его неизменную холодность. Сын ректора, синеглазый тридцатипятилетний Виктор Вагнер умел очаровать любую, хотя и не спешил пользоваться служебным положением. Он происходил из рода Вагнеров и преподавал некромантию уже в третьем поколении. Его дед, Рихард Вагнер, прославился не только тем, что сменил своего предшественника — ректора, заслужившего звание бессменного, но и тем, что именно при нем Колледж некромагии стал Институтом некромагии. Он оставался ректором института буквально до самой своей смерти, после чего пост занял его сын Виктор Вагнер-старший, по материнской линии происходивший из старинного герцогского рода Ноншмантаней. Младший брат нынешнего ректора входил в королевский совет, и пять лет назад именно это помогло институту стать Университетом некромагии, а Виктору Вагнеру-младшему занять пост не только декана факультета некромантии, но и заведующего кафедрой ведущей дисциплины на курсе. Правда, как всегда, нашлись злопыхатели: мол, профессор Вагнер слишком молод для такой должности, но, когда твой отец ректор, твой прадед — герцог, а твоя двоюродная сестра помолвлена с принцем крови, внимания на подобные выпады можно не обращать.

Белокурый плечистый красавец-преподаватель легко, словно танцуя, вошел в аудиторию и буквально запрыгнул на кафедру. Несмотря на порывистые движения, он не был ни развязным, ни резким. Остановился, обвел аудиторию пристальным взглядом. Поразительно похожий на своего деда, портрет которого висел в Зале Славы на первом этаже главного корпуса, он отличался от предка лишь тем, что никогда не носил ни бороды, ни усов и выглядел гораздо моложе своих лет.

— Здравствуйте, господа студиозусы, — прозвучал негромкий голос. — Сегодня последняя лекция перед вашим отъездом на практику, и посвящена она будет технике безопасности. Основное скажу вам я, но кураторы, которые будут сопровождать некоторых из вас, наверняка захотят добавить что-то и от себя. Зачет по технике безопасности каждый из вас завтра сдаст своему куратору. Пока же вас решили распределить таким образом...

Лилька затаила дыхание, как и все девушки курса. Преддипломная практика предполагала выезд за пределы города на целых два месяца. Студенческие группы обычно были небольшими, по три-четыре человека и один сопровождающий куратор. Как правило, в роли кураторов выступали лаборанты и аспиранты, но иногда подвизались и преподаватели, если лаборантов на всех не хватало. И всем сейчас было интересно, кто в какой группе окажется, а также — решит ли сам завкафедрой оказать честь быть у кого-то куратором.

— Итак... — Профессор чуть ли не из воздуха выхватил длинный список. — Студиозус Белла, студиозусы брат и сестра Борец, студиозус Бурякова — к аспиранту Двойчеку. Студиозус Вайс, студиозус Варяжко, студиозус Витек — к аспиранту Ковальскому...

Лилька скрестила пальцы наудачу и едва не застонала, когда неожиданно прозвучало громом с ясного неба:

— Студиозус Земниц, студиозус Зябликова, студиозус Иржинец, студиозус Кралов, — вам повезло, вас забираю лично я...

— А-а-а-ах, — чуть ли не хором выдохнули все восемь девушек курса. Громче всех стонали две из них — сама Лилька и красавица Анна Белла, происходившая, между прочим,

из семьи потомственных некромантов. Одна стонала от восторга, другая — от зависти, поскольку выезд самого завкафедрой на преддипломную практику до последнего момента был под вопросом.

— Поздравляю, — немного натянуто улыбнулся Вальтер.

— Спасибо. — Лилька прижала руки к груди, чтобы унять бешено бьющееся сердце. Особенно раширало ее от восторга еще и потому, что в группе она оказалась единственной девушкой, а это значит, что целых два месяца у нее не будет конкуренток. И уж тогда... — Я сейчас умру от счастья.

— Только попробуй, — проворчал Вальтер. — Этим ты только всех остальных порадуешь. И Анну особенно.

Лилька обернулась. Сидевшая в четвертом ряду Анна Белла побагровела, на глазах у нее блестели злые слезы. Она сердито кусала губы и нервно сжимала и разжимала руки. Перо в ее пальцах уже превратилось в жалкую былиночку.

— Да уж.

Лильку охватило приятное чувство превосходства, и она посмотрела на посрамленную соперницу с гордостью.

Профессор продолжил читать лекцию, но его уже слушали не так внимательно. Самое главное было сказано, счастливики определились. Вальтер лишь пожал плечами, когда его вместе с тремя другими студентами — двое парней и еще одна девушка — распределили к единственной на кафедре женщине-некроманту, младшему преподавателю госпоже Ядвиге Ленской.

— Итак, — наконец отложил стопку листов профессор, — вы все, надеюсь, запомнили, кто с кем из кураторов будет работать. После занятий просьба отправиться к ним на встречу. У них вы получите список заданий, которые вам предстоит выполнить на практике, а также список литературы и нужных вещей, которые необходимо взять с собой в дорогу. Скорее всего, выдвигаетесь в понедельник утром, но насчет точного времени и конечной точки маршрута каждой группы распространяться не хочу. Все это будет строго индивидуально. Главное, что вы должны запомнить, — это всегда и во всем слушаться своих кураторов. На время практики именно они становятся вашими родителями, начальством, хозяевами, богами, и именно их надо будет почитать, слушаться, уважать и так далее.

Девушки только вздыхали, внимая наставлениям Вагнера-младшего. Лилька прикусила губу, чтобы не закричать от радости. Два месяца! Два месяца практически наедине с любимым преподавателем! Слушаться его? О да, она будет слушаться. Она уже готова слушаться. Все что угодно! Он непременно ее заметит, оценит, поймет ее чувства к нему.

— И самое главное, — продолжал профессор, — никакой личной инициативы. Я не могу сказать наверняка, с чем вам придется столкнуться на практике. Не могу предсказать, что приготовили вам мои коллеги — будет ли это простая прогулка по окрестностям столицы или путешествие к заброшенным святилищам древних богов. Но, что бы вам ни выпало, вы должны это принять и постараться справиться с заданием как можно лучше. Это — понятно?

Аудитория вразнобой загудела — мол, да, все понятно. Громче всех раздавались голоса парней — в отличие от девушек, они не питали нежных чувств к преподавателю. Им просто хотелось на практику, чтобы поскорее проявить себя.

— Отлично. — Профессор Вагнер посмотрел на песочные часы, стоявшие на кафедре. — В таком случае можете быть свободны. И, поскольку до конца лекции больше

четверти часа, думаю, с моей группой мы сможем позаниматься прямо сейчас.

Лилька чуть не завизжала от восторга. Неужели ее желание исполнится так быстро? Сейчас все уйдут, останутся только Виктор Вагнер, она и... Мальчишки не в счет.

Студенты зашевелились. Парни выходили быстро — четверть часа свободы — это щедрый дар, которым грех не воспользоваться. Девушки медлили. Анна Белла трясущимися руками пыталась собрать сумку, но без конца роняла то бумагу, то перья, то учебник или чернильницу. Когда же чернильница упала во второй раз, она расплакалась и рухнула на стол, пряча лицо в ладонях. Отчаяние ее было столь велико, что остальные студенты сочувственно вздыхали, а ближайшие подруги, Людмила Монс и Яна Терчева, сели рядом, обнимая девушку за плечи и пытаясь утешить. Но это привело лишь к тому, что Анна зарыдала в голос, размазывая по щекам слезы вместе с косметикой.

Лилька поморщилась и гордо усмехнулась. Проигрывать надо уметь. Анна и так все годы считалась первой красавицей не только их курса, но и всего потока и шла по жизни, твердо веря, что все ей удастся легко и быстро. Что ж, милая, получи! Жизнь состоит не только из праздников. Будни случаются намного чаще.

Задержался и Вальтер. Парень так тщательно все укладывал в сумку, что Лилька не выдержала:

— Ты куда не опаздываешь?

— Нет, а что?

— Ну в столовую иди.

— Так ведь еще есть время...

— Ну и отлично. Потом все набегут, а ты приди пораньше и займи нам с тобой местечко. У окошка, ладно?

Парень вздохнул.

— Но я хотел...

— Куда-то зайти? Тогда тем более беги! Если опоздаешь и нигде не успеешь, будет хуже. Да иди же ты! Я и без тебя до столовой доберусь, ага? Кстати, ты не забыл, что хотел еще для меня домашку по нежитеведению переписать?

— Не забыл. — Вальтер, помявшись, отправился к выходу. — Только ты не опаздывай в столовую, хорошо?

— Примчусь как ветер! — Девушка послала ему воздушный поцелуй. — Закажи мне блинчики! Я, в отличие от некоторых, не боюсь потолстеть!

Сказано это было намеренно громко, чтобы некоторые оставшиеся в аудитории девчонки пошли красными пятнами от зависти. Лилька действительно могла позволить себе есть все подряд в любом количестве и держать себя в форме. Не то что та же Анна Белла, которая постоянно следила за размером талии, изнуряя себя то диетами, то специальными комплексами тренировок, или Яна Терчева, от лишней конфетки мигом покрывающаяся прыщами.

Удар попал в цель. Анна Белла взвыла особенно трагично. Настолько, что Виктор Вагнер поднял голову, оторвавшись от своих записей:

— Что с вами, студиязус Белла? Вам нехорошо? Что случилось? Получили известие из дома?

Девушка отчаянно помотала головой.

— Вам плохо? Вы боитесь ехать на практику? Как же так? Дочь потомственного некроманта, внучка знаменитого Йожа Беллы — и боится практики? Обо всем будет

доложено вашему куратору.

— Я не... не... — всхлипнула Анна. — Это совсем не то. У меня... болит... живот.

— Ах вот как? Пригласить целителей?

— Нет. — Девушка помотала головой. — Я потом... сама... посижу немного, а потом...

— Сидите, — кивнул профессор. — А вы что? — обратился он к ее подругам. — Останетесь и поможете ей? Похвально.

Людмила и Яна энергично закивали. Они бы тоже отдали что угодно за возможность побыть рядом с обожаемым преподавателем.

— Однако, если опоздаете на встречу с кураторами, вам придется объясняться с ними самостоятельно, — несколько отрезвил их Вагнер. — Дружба — это прекрасно, особенно столь редко встречающаяся дружба между девушками, но и учебу никто не отменял.

Девушки энергично закивали, забормотали наперебой, что они постараются все успеть. Лилька слушала их с гордым видом. Пусть себе сидят тут, сколько влезет! Все равно на практику они поедут в разные места и не увидятся долгих два месяца. А потом их ждет написание диплома, и учиться они станут лишь три дня в седмицу, готовясь к экзаменам, остальное время встречаясь со своими кураторами или занимаясь самоподготовкой. Этого времени должно хватить, чтобы окончательно расположить профессора некромантии к себе.

— Ну а вы, господа студиозусы, — обратился тот к счастливицам, — присаживайтесь поближе. Студиозус Зябликова, прошу сюда.

Лилька вспорхнула с места, уже чувствуя себя на седьмом небе от счастья. Он ее выделил! Конечно, можно было счесть это простой любезностью, ведь она в группе единственная девушка, а может быть... Чем бесы не шутят? Ради красивых глаз профессора девчонки пускались на разные хитрости. Одни, как Анна Белла, зубрили некромантию так, что сами могли заменять наставников первых курсов. Другие прикидывались глупее, чем есть на самом деле, и просили Виктора Вагнера оставить их после занятий, чтобы тот индивидуально объяснил им трудные места. Третьи подчеркнуто игнорировали сам предмет, считая, что это преподаватель должен за ними бегать, чтобы заставить полюбить некромантию. С последним было хуже всего: тех, кто осмеливался идти по этому пути, либо отчисляли, либо переводили на другие факультеты. В итоге три девчонки оказались среди целителей, а еще одна отправилась учиться на ведьмачку, оказавшись на том потоке единственной девушкой.

Лилька играла роль «способной, но плохо собранной». Иногда она выдавала действительно отличные ответы и все практические задания выполняла на «отлично», но бывало, когда ее спрашивали, краснела, запинаясь и со слезами на глазах утверждала, что «знала, но забыла».

Счастливицы пересели на первую парту. Анна и ее подруги тоже попробовали придвинуться ближе, но профессор махнул им рукой:

— Нет-нет. Вы оставайтесь на местах. То, что я скажу своим подопечным, вряд ли пригодится вам. Ваши кураторы проведут с вами отдельную беседу. И даже темы для дипломных работ у вас будут заведомо разные.

Уже вскочившая с места Анна опять плюхнулась на скамью. Подруги поддержали ее под локти, пытаясь утешить, но сами при этом выглядели такими расстроенными, что настроение у Лильки подскочило до небес.

— Чему вы так улыбаетесь, студиозус Зябликова? — тут же поинтересовался Виктор Вагнер.

Девушка, подавив желание ответить: «Тому, что вижу вас, профессор!», напустила на себя важный вид и сказала:

— Я так долго ждала этой практики! Наконец-то мы можем показать, кто из нас на что способен!

— Да, — кивнул профессор, и лицо его дрогнуло, озаряясь тенью улыбки, — именно практика — главное, что делает некроманта некромантом. Можно всю жизнь просидеть в четырех стенах и проштудировать всю библиотеку университета, но спастись перед первым в своей жизни умертвием или не сумеет даже отличить упыря от вампира. А можно почти ничего не читать, но расправляться с нежитью одной левой. Правда, тут следует принимать во внимание и природный уровень силы, хотя и эта сила без постоянных тренировок и опять-таки практики может ослабнуть. Но относительно слабую силу практика поможет развить. А большую силу, наоборот, можно без практики растерять.

Девушки — все присутствующие в аудитории — слушали его с открытым ртом. Лилька даже подалась вперед, затаив дыхание и невольно выпятив грудь.

— Вас четверых я выбрал для себя именно по этой причине. У вас у всех недостаток именно в отсутствии практики. Ваши способности нуждаются в дополнительном стимулировании...

Лилька опять улыбнулась. Эх, знал бы профессор, насколько двусмысленно прозвучали его слова!

— Многочисленные занятия на кладбище, а для иногородних домашние задания в каникулы — это не совсем то, что делает некроманта некромантом, — продолжал Виктор Вагнер. — В Зале Славы вы можете увидеть портреты великих некромантов прошлого. Большинство из них показывали довольно посредственные знания теории, но в практической работе им не было равных.

Лилька подняла руку, как примерная ученица.

— Что вы хотели спросить?

— Но там, в Зале Славы, есть и портрет вашего деда, магистра некромантии Рихарда Вагнера, — сказала девушка. — Неужели он тоже...

— Это к делу не относится, — быстро ответил профессор, и девушка сделала мысленную пометку на будущее.

Оказывается, непробиваемого преподавателя тоже можно смутить. Видимо, в молодости его дед был тем еще сорвиголовой. Значит, и внук тоже способен на безумства. Дело за малым — во время практики подвигнуть его на такие безумства.

— А мне кажется, что относится, — храбро заявила она. — Ведь кто знает, что предложит нам жизнь. Вдруг уже завтра произойдет то, что заставит взглянуть на привычные вещи с неожиданной стороны?

Улыбка на губах профессора стала заметнее.

— А вы правы, студия Зябликова, — неожиданно сказал он. — Именно так все и происходит. Но чаще всего практика показывает, что подобные неожиданности не совсем приятны. И главное, надо быть достаточно наблюдательным для того, чтобы успеть вовремя распознать надвигающуюся опасность и принять меры для ее предотвращения.

С задней парты донеслось чье-то хихиканье, и Лилька почувствовала, как у нее вспыхнули уши. После чего жар, вопреки законам природы, перекинулся на щеки. Ах, значит, он ее раскусил? Ну ничего! Мы еще поборемся! Так даже интереснее!

— В работе некроманта — да, внезапно восставшие из могилы мертвецы или массовое

разупокоивание кладбища действительно означает большие проблемы, — произнесла она. — А в жизни? Неужели сюрпризы, которые преподносит жизнь, всегда неприятны?

— Не всегда, согласен, — помолчав, ответил профессор. — Но, как правило, они носят двойственный характер. Вот для меня, например, приятным сюрпризом явилось ваше умение рассуждать. Обычно в теории вы выказывали весьма посредственные результаты, а тут... Приятно удивлен... Но вот выбранная вами тема больше подходит для бесед с пра Гонорием, чем со мной. И посему давайте закончим обсуждение.

«Ага. — Лилька мысленно хищно потерла руки. — Уходите от ответа, господин профессор. Значит, чувствуете свою слабость! Поднажмем!»

— Но ведь личная жизнь некроманта тоже связана с его работой, — попробовала продолжить она.

— Хватит, Зябликова, — обошелся без обычного «студиозус» профессор. — Об этом, если возникнет желание, можно поговорить после практики. А пока прослушайте краткий курс техники безопасности. До отъезда на практику у вас остается три полных дня, из них два приходятся на выходные. Все эти дни вы должны посвятить подготовке, хотя и занятий сегодня и завтра никто не отменял. Я сейчас дам вам список вещей, которые будут необходимы вам при работе. Постарайтесь их приобрести, купить или взять напрокат. — Он зашуршал разложенными на столе бумагами. — Также вам вменяется в обязанность за оставшийся день сдать все имеющиеся задолженности и вернуть в библиотеку книги. В обмен на книги вы получите несколько методичек, вот они-то на ближайшие два месяца и станут вашими учебниками. Не беспокойтесь, сданные книги вы потом получите обратно, поскольку вам предстоит готовиться к выпускным экзаменам. Заодно я составил список предметов, которые категорически запрещено брать с собой в поездку.

— В поездку? — чуть не взвизгнула Лилька.

— А вы как хотели? Практические занятия предполагают выезд за пределы Зверина.

— И вы будете с нами все два месяца?

— Не совсем. На столь долгий срок мне вряд ли разрешат оставить кафедру — не забывайте, что у младших курсов еще месяц продолжаются занятия, а потом им предстоит месяц экзаменов. Так что, скорее всего, я отвезу вас на место и оставлю на попечение местных некромантов, но буду навещать время от времени.

За спиной послышалось ехидное хихиканье — ее соперницы тихо праздновали победу. Лилька сжала кулаки. Ну ничего, она им еще покажет!

— Вам уже лучше, студиозус Белла? — тут же раздался голос Виктора Вагнера. — Может быть, пойдете по своим делам?

Теперь пришел черед улыбаться самой Лильке. Нет, есть в мире справедливость! Три девицы на задней парте смущенно залепетали, что они, пожалуй, еще чуть-чуть посидят, самую малость...

— Хорошо, посидите, — неожиданно покладисто согласился профессор. — Но если вы опоздаете...

— Нет-нет, что вы! Мы следим за временем! — хором принялись уверять его. — Еще пару минуток...

— Отлично. — Виктор Вагнер махнул рукой своей группе. — Подойдите и получите списки того, что вы должны приобрести и сделать за оставшиеся три дня.

Лилька «вежливо» поднялась первой. Пусть парни лишний раз продемонстрируют свое хорошее воспитание, пропустив девушку вперед. Она подошла и, взяв листок, уже открыла

рот, но профессор нетерпеливо отмахнулся — мол, не задерживайте. Девушка отошла, но тут же сообразила, как привлечь внимание преподавателя.

Вернувшись на свое место, она сделала вид, что внимательно читает список.

— Мэтр Вагнер! — вскинула руку, требовательно помахав ладошкой.

— Да?

— Мне тут кое-что непонятно. Вы можете подойти?

— Что именно вам непонятно? — Он не спеша сошел с кафедры.

— Вот тут в списке... Эти вещи брать обязательно?

— Какие? — Вагнер все-таки подошел и наклонился над листком, который девушка нарочно держала так, чтобы они оказались как можно ближе друг к другу. Ему даже пришлось опереться ладонью на спинку ее сиденья. Подстриженные по последней моде волосы упали на гладко выбритую щеку. Лилька даже невольно вытянула губы трубочкой — так ей захотелось поцеловать мужчину. И от него исходил такой приятный запах... Цветы и мускус... мм...

— Вот это. — Она наугад ткнула пальцем в список.

— А что вас не устраивает в наличии сапог и теплого плаща?

— Но они же тяжелые! Если тащить еще и их, то...

— Студиозус Зябликова, смею вам напомнить, что это — одежда. Одежду вы наденете. Я понятно объясняю? Впрочем, если вам угодно, можете пройтись по кладбищу в туфлях.

— Извините. — Она захлопала ресницами. — Я просто подумала, что... Какой у вас одеколон интересный! Хм... — Она потянулась вперед, выразительно принюхавшись, и с некоторым недоумением и удивлением заметила на его лице признаки растерянности и даже какой-то обиды.

Потом на глаза профессора навернулись слезы. Он сделал еще один глубокий вдох и внезапно чихнул.

— Что с вами? — Лилька заботливо схватила его за запястье. — Вы простыли? А как же наша практика?

Виктор Вагнер помотал головой, силясь отодвинуться, но расчихался так, что вырваться не смог.

— Вам нехорошо? — уже начала беспокоиться девушка, хотя внутри у нее все ликовало. Вот сейчас она проявит себя такой заботливой, нежной, любящей, что сердце симпатичного холостяка дрогнет.

— Мне... нет. — Виктор Вагнер закрыл лицо свободной рукой. — У вас дома есть какое-то животное, студиозус Зябликова?

— Э-э... кошка... кот.

— Кот? — Из глаз профессора брызнули слезы, и он вывернул кисть, освобождая руку. — Кот! У меня аллергия на кошачью шерсть!

Махнул на ошеломленную студентку рукой, чихнул еще раз, потом захрипел, словно ему перестало хватать воздуха, и со всех ног бросился к окну, распахивая створку и высовываясь наружу чуть ли не по пояс.

— Профессор! Профессор, что с вами? — Все студенты сорвались с места, кидаясь к преподавателю. Анна Белла спешила впереди всех.

— Не подходите!

Тот мгновенно развернулся, отмахиваясь от доброхотов.

— Оставайтесь на местах! Слышите?

Девушки и юноши замерли, с безопасного расстояния глядя, как их преподаватель чихает и трет воспаленные глаза. Вдруг вспомнилось, что практические занятия, на которых приходилось работать с подопытными животными, всегда проводил кто-то из младших преподавателей или аспиранты, а сам заведующий кафедрой никогда и близко не подходил к вивариям и лабораториям, где содержались многочисленные крысы, кошки, кролики. И только со змеями, ящерицами и жабами он иногда работал, к вящему удовольствию студентов. Теперь эта странность получила свое объяснение.

— Прошу меня извинить, — сказал Виктор Вагнер, когда немного успокоился и торопливо отпил что-то из небольшой бутылочки, которую достал из кармана профессорской мантии. — Вы, студия Зябликова, по большому счету не виноваты, поскольку держать в доме животное никто вам не вправе запретить...

— Левиафан не животное, — заспорила Лилька. — Он... мой покровитель.

— Покровитель? В самом деле? — вяло заинтересовался профессор.

— Да. Мне его подарила бабушка, когда мне исполнилось шестнадцать лет. Она... была со странностями, почти ни с кем из нашей семьи не общалась, кроме моей матери. А потом как-то раз зазвала меня в гости и подарила Левиафана. Сказала, что он мне будет помогать...

— И как? Помогает?

Девушка пожалала плечами. Пока котенок был маленьким, он действительно был забавным и с ним приятно было играть. Он так сладко мурлыкал, свернувшись калачиком на коленях... Но, когда вырос в здорового рыжего котяру с непростым характером и обилием густой шерсти, которая лезла постоянно, как ни вычесывай, от него стало больше проблем, чем помощи. Однако Лилька ни за что не согласилась бы расстаться с любимцем, несмотря на то что родители были категорически против и несколько раз предлагали отдать животное в приют. Они успокоились только тогда, когда Лилька заявила, что им придется сдать в приют и ее саму. На помощь пришла бабушка, просто-напросто забравшая семнадцатилетнюю внучку жить к себе. Так они и обитали втроем — бабушка, внучка и рыжий кот. От родителей Лилька совсем оторвалась, с братом и сестрами виделась, лишь когда приходила в гости на праздники, а поступив в восемнадцать лет в Университет некромагии, и вовсе ограничила общение с семьей только письмами. И, приезжая к бабушке на каникулы, не рвалась домой.

— Это очень любопытно. — Виктор Вагнер пришел в себя настолько, что уже снова мог улыбаться, хотя глаза у него оставались красными, а из носа предательски текло. — Но наличие домашнего духа-покровителя свидетельствует о наличии сильного колдовского дара, но почему в таком случае вы пошли на некромантию? Факультет ведовства, как мне кажется, был вам ближе...

Анна Белла и ее подпевалы противно захихикали, и Лилька испытала острое желание навести на них порчу. Желание было настолько сильным, что девушка сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Нет, сейчас не время и не место! Здесь и сейчас надо было держать себя в руках.

— Ну, ведовство мне показалось скучным и неинтересным, — ответила она. — Там много от прорицания, а мне оно плохо дается...

На самом деле Лилька увидела в приемной комиссии Виктора Вагнера и, как многие девушки до нее, твердо решила, что будет учиться только у этого красавца.

— Понятно. И вы пошли учиться тому, что вам давалось проще и легче, — кивнул тот. — Вас можно понять, но... Но в свете последних обстоятельств я бы посоветовал вам подумать

о переходе на факультет ведовства. Понимаю, последний курс, а вам придется вернуться на курс назад и проучиться в университете еще не год, а целых два плюс все каникулы наверстывать программу, но, со своей стороны, готов оказать помощь и содействие. Вас переведут без лишних проволочек. Я могу свести вас с деканом факультета ведовства уже завтра и...

Дальше Лилька почти не слушала. Ей стало страшно. Это что же выходит?

— Вы... меня отчислите? — пролепетала девушка. — Но я... я же успеваю! По всем предметам!

Конечно, она далеко не отличница, но благодаря помощи безотказного Вальки учится лучше многих девушек.

— Да, мне известен табель вашей успеваемости, и поэтому говорю еще раз — проблем с переводом быть не должно. Это чисто формальная процедура.

— Но почему?

— Из-за практики. Практика для будущего некроманта — это все. Боюсь, вы не сможете ее пройти.

Хихиканье за спиной оборвалось. Ее соперницы то ли ужаснулись, то ли онемели от восторга.

— Почему?

— Из-за вашей... хм, наверное, все-таки моей особенности. Я не могу быть вашим руководителем практики, поскольку у меня аллергия на кошачью шерсть. Вы наверняка захотите взять ваше... животное с собой. Нашей группе придется несколько недель провести вместе. Вы, конечно, будете занимать отдельную комнату, но все равно. — Он покачал головой. — Тем более что в уставе университета сказано, что в общежитии запрещено содержать животных, представляющих опасность для здоровья окружающих. Аллергия входит в число опасных заболеваний. Я имею полное право не допустить вас до практики. А это значит, что вы не напишете дипломной работы и не получите диплома о высшем образовании. И о работе по специальности вам в таком случае тоже придется забыть навсегда.

Слова прозвучали как смертный приговор. Лилька сидела ни жива ни мертва.

— Но неужели ничего нельзя сделать? — пролепетала она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Можно, — смилостивился Виктор Вагнер. — Есть три выхода из положения. Первый я только что озвучил: вы переводитесь на другой факультет, учитесь в университете лишний год и получаете диплом ведуньи. Второй: вы договариваетесь с кем-либо из ваших однокурсниц о том, чтобы поменяться с ней местами и проходить практику у другого преподавателя. И третий: избавляетесь от вашего кота.

Молчание за спиной сменилось напряженным сопением. Ну как же! Анна уже спит и видит себя на ее, Лильки, месте и только и ждет, чтобы та согласилась. А вот фигурки!

— Я могу подумать?

— Думайте. До завтра.

удар был слишком силен. И самое противное, что ее соперницы были рядом, видели ее унижение и теперь только и будут что подкарауливать подходящий момент, чтобы отомстить. Декан поставил срок до завтра. Через несколько часов она должна будет принять решение. Но что делать? Девушка была растерянна и чувствовала себя так плохо, что, завернув в аллею, села на ближайшую скамейку и дала волю слезам, не беспокоясь, что ее кто-нибудь увидит.

Но глупо плакать, если никто не видит твоего горя и не спешит утешить. Надо было что-то делать.

Желудок громким бурчанием напомнил о себе. Лилька встрепелась. До конца обеда оставалась какая-то четверть часа. Потом столовая закроется до ужина. Нет, ни у кого не отнимут тарелку, пока студент ест, но опоздавших пропускать не станут, и придется терпеть еще несколько часов. Валька небось весь извелся...

Вальтер! Как же она сразу о нем не подумала? Он обязательно что-нибудь придумает! Он такой умный и всегда готов помочь.

Сорвавшись с места, девушка побежала к третьему корпусу университета, где располагалась столовая.

Несмотря на то что обычно в ней могли одновременно завтракать, обедать или ужинать триста человек, сейчас там яблоку негде было упасть. Такое впечатление, что все студенты со всех факультетов и курсов договорились и явились за несколько минут до закрытия. Со стороны раздаточных столов то и дело доносились возмущенные голоса: «Нет котлет! Кончились! Остались только голубцы и вареные овощи!.. Потерпите немного, яйца сейчас доварятся!.. Будет сбитень, будет, уже несут... Кто заказывал хлеб! Получите!»

Лилька растерялась, остановившись на пороге, не зная, в какую очередь становиться.

— Лилия! Лиля! — услышала она.

Девушка обернулась. От столика у окошка отчаянно махал руками Валька.

— Иди сюда! Я для тебя все уже заказал!

Он улыбался во весь рот и сиял, как новенький золотник^[3]. При виде его улыбки Лильке самой захотелось улыбаться.

Перед Вальтером на столе разместились две порции студенческого обеда и даже салатик с яблоками и грибами.

— Садись. — Парень подвинул ей стул. — Извини, что немного остыло, но...

— Ничего. — Лилька вдруг поняла, что от всех переживаний страшно проголодалась, и с удовольствием схватила ложку. — Не придется полчаса дуть и обжигаться. Ой, Валь, спасибо тебе! Я такая голодная!

Она накинулась на еду, а Вальтер, отложив свою ложку, с улыбкой смотрел, как она ест.

— А у меня для тебя хорошая новость! — нарушил он молчание, когда от Лилькиного супа осталось меньше половины.

— Какая? — Она отправила в рот последнюю ложку супа и придвинула тарелку с котлетами и салатик.

— Я договорился с Земницей и госпожой Ленской. — Вальтер так и лучился улыбкой. — Они согласились поменяться!

— Поменяться на что? — Девушка замерла, перестав жевать.

— Ну, госпожа Ленская сказала, что мы отправимся на практику в Брезень, а я вспомнил, что Земниц из того же воеводства, — пустился в объяснения юноша. — Вот я и подумал, что ему будет приятно оказаться в двух шагах от родного дома. Ну, на выходные в гости съездить и все такое... Поймал Земница в коридоре, свел с госпожой Ленской, и они

согласились на обмен. Я теперь буду вместе с тобой практику проходить. Ты довольна?

Напоминание о практике и связанных с ней проблемах мигом испортило аппетит. Лилька отложила вилку, прикусила губу. Ну Валька, ну удружил! Кто его за язык-то тянул?

— Лилия, что с тобой? — Тот почуял неладное. — Все хорошо?

— Все плохо. — Девушка с досадой оттолкнула от себя тарелку. — Все просто кошмарно!

— Ты, — лицо юноши обиженно вытянулось, — не рада, что я вместе с тобой практику проходить буду?

— Да при чем тут ты? — взвывла Лилька. — То есть при чем, конечно, здорово и все такое, но... если бы дело было только в этом! Практики у меня не будет! И диплома тоже! И вообще... может, меня отчислят уже завтра!

— Тише. — Вальтер накрыл ее руку своей. — Не кричи. Успокойся. Что случилось?

— Все! — всхлипнула Лилька. — Все, и сразу! У профессора аллергия!

— На тебя?

— Дурак! — взвизгнула девушка. — На кошек! У меня блуза Левкой пахнет, а он этого запаха не выносит! И меня то-о-оже...

Слезы, которые, казалось, кончились еще в сквере, полились с новой силой. Вальтер торопливо выдернул из кармана платок, сунул девушке и кинулся ее успокаивать. Постепенно, всхлипывая и причитая, Лилька рассказала ему все.

Юноша вздохнул.

— Значит, ты очень хочешь поехать с ним на практику? — пробормотал он, кусая губу. — А как же... А если пойти к кому-нибудь другому...

— Ты что, совсем идиот? — огрызнулась Лилька. — Я к нему хочу! К Виктору... А тут еще эта задавака Белла... Она все видела и слышала. Я теперь просто обязана сделать все, чтобы остаться в его группе! Валька, милый, ты такой умный, ну придумай что-нибудь, чтобы профессор Вагнер меня не выгнал! Мне очень-очень-очень нужно. Ну пожалуйста! Я знаю, ты можешь! Ну, Валь, ну что тебе стоит? Помоги мне!

Тот сидел, кусая губы и глядя на скатерть, словно пытался в разводах от пролитого накануне чая, жирных пятен, крошках и морщинках ткани прочесть судьбу, как авгуры гадают по внутренностям жертвенных животных.

— Сколько у тебя времени?

— До завтра.

— Хорошо. — Вальтер решительно накрыл ее руку пальцами и слегка пожал. — Сейчас ты приведешь себя в порядок, мы быстро расправляемся с обедом и идем на нежитеведение и на зачет по заклинаниям. Потом у нас еще зачет по боевым искусствам...

— Э-эй, боевые искусства мы сдаем завтра! — встрепенулась Лилька.

— Тем более! Времени полно. И ты со всем успеешь справиться.

Обнадеживающие слова Вальтера вернули Лильке аппетит, и она с удовольствием доела уже остывшие котлеты и зажевала их салатиком. Как все-таки хорошо, что есть такой друг!

В дверях, выходя из столовой, она почти столкнулась с Анной Беллой и ее верными подпевалами. Соперницы смерили ее презрительным взглядом, но девушка в ответ скрутила фигу от сглаза и быстро, скороговоркой, начала зачитывать заговор от злых духов.

— Ты чего? — Вальтер схватил подругу за запястье, но та вывернула руку и, не сводя глаз с трех девушек, дочитала заговор до конца.

— Ты чего? — повторил юноша.

— Ничего. — Девушка проскользнула в двери. — Будут знать...

— Но они же ничего не сделали!

— Да, но как смотрели! Держу пари, они постараются подстроить мне какую-то пакость!

Юноша бросил через плечо взгляд на уже скрывшихся за чужими спинами студенток, но ничего не сказал.

— Колдовать не на уроках нам запрещено, — осторожно напомнил он немного погодя.

— А кто колдовал? Я? Пойди сперва докажи! Или ты собираешься в Университете некромагии открыть охоту на ведьм?

Вальтер вздрогнул, вспомнив, наверное, что-то из своего отрочества. В отличие от Лильки, он рос в семье, не имеющей отношения к магии, и проснувшиеся у мальчишки способности не только напугали и изумили близких, но и дали повод недругам герцога фон Майнца обвинять его вторую жену в колдовстве. Специальная комиссия, в которую входили также три профессора из университета, доказала, что сама женщина не имеет к колдовству никакого отношения, но в числе ее предков наверняка были ведьмы. В прежние времена это почти наверняка означало крупные неприятности для всей семьи, арест и конфискацию имущества в пользу короны, а так отделались легким испугом и тем, что у одного из отпрысков герцога не осталось выбора, кем быть.

— Лилия, — сказал юноша, — ты же знаешь, я буду последним, кто станет тебя обвинять. Но если Белла или Монс пожалуются в ректорат...

— Я читала заговор от сглаза! — отчеканила девушка. — И давай закончим на этом!

Но сама она заканчивать отнюдь не собиралась и всю дорогу до учебного корпуса не переставала думать о том, что предпринять. Анна Белла действительно была довольно сильной некроманткой. Ее двоюродный брат, Йозеф Белла, учился на факультете ведьмаков, а еще один брат, Ангел Белла, в позапрошлом году получил диплом мага-ветеринара, третий из этой семейки, Александер Белла, учился на алхимика. Уже три или четыре поколения магов из династии Белла выпустило это учебное заведение, бывшее когда-то скромным Колледжем некромагии. Можно сказать, эта фамилия была золотыми буквами вписана в историю университета, и портрет прадеда Анны — Йожа Беллы любой мог увидеть в Зале Славы. Но предков Лилии Зябликовой или Вальтера фон Майнца там отродясь не было. А это значит, что в случае конфликта ей придется как следует постараться, чтобы справиться с соперницей. Но на что только не пойдешь ради любви!

К сожалению, выяснилось, что и Анна Белла тоже не собиралась забывать о случившемся.

Зачет по заклинаниям должен был проходить не в аудитории, а в полуподвальном помещении, освещенном несколькими факелами и старинными светильниками. Из довольно просторной комнаты были загодя вынесены все предметы, которые могли загореться от шальной искры, пол густо посыпан песком, а по углам поставили бочки с водой. Решетки на узких, чем-то похожих на тюремные, окошках буквально искрились от наложенных на них охранных чар. Поговаривали, что когда-то это помещение в самом деле использовалось как тюрьма — в те времена, когда для студентов еще в ходу были телесные наказания. Потом, с принятием нового закона и переводом колледжа в статус института, перекрытия между камерами разломали, в здании сделали ремонт и теперь тут учились, вместо того чтобы отбывать наказание.

Преподавательница заклинаний мэтресса Коваль была высокой сухопарой женщиной и

держалась так прямо, словно боялась, что вот-вот сломается. Но это не мешало ей двигаться легко и быстро, словно за спиной у нее были невидимые крылья.

— Все личные и лишние вещи оставляем за порогом! — отчеканила она, указывая на тамбур, где одна на другой сейчас громоздились парты и стулья. — С собой берем только свои мозги.

— Одежду снимать? — пошутил кто-то из парней и покосился на девушек — как они отреагируют на шутку.

— Вам — да. На всеобщее обозрение, — кивнула мэтресса. — Встанете в середине, чтобы каждый мог вас видеть. Хотя сомневаюсь, что созерцание вашей задницы доставит хоть кому-то удовольствие. Попки младенцев приятны на ощупь только матерям этих младенцев.

Шутник побагровел и поспешил спрятаться за спины остальных.

— Верхнюю одежду, однако, придется снять, — тут же уточнила госпожа Коваль. — И закатать рукава блуз и рубашек. Амулеты, если не хотите оставлять тут, можете сдать мне на хранение. — Она хлопнула рукой по большой холщовой сумке, висевшей на гвоздике у двери.

Выполнив ее распоряжения, вся группа встала по кругу в комнате. Песок поскрипывал под ногами. Мэтресса Коваль прошла в середину, повернулась кругом, оценивая студентов.

— Отлично, — резюмировала она. — Начнем, пожалуй. Монс, Майнц, два шага вперед!

Вальтер подмигнул девушке и покинул круг.

— Для вас первое задание — нанести на стены защитные заклинания. Учтите, от качества вашей работы будет зависеть жизнь ваших товарищей.

Ого! Студенты переглянулись. Зачеты по теории и практике применения заклинаний они сдавали уже несколько раз, и всегда преподаватель придумывала что-то новенькое.

Переглянувшись, Валька и Людмила пошли вдоль стен в разные стороны, время от времени приостанавливаясь и совершая пассы. С их пальцев срывались искорки, которые не таяли, если успевали долететь до стен. Тогда они оседали на камнях и начинали пускать во все стороны тонкие нити, которые извивались, словно усики каких-то диковинных растений, переплетаясь между собой и образуя причудливую вязь защитных заклинаний. Мэтресса Коваль молча наблюдала за происходящим, но, когда Людмила на миг замерла, а ее подруга Яна Терчева дернулась было подсказать, так выразительно хмыкнула и шевельнула бровью, что девушка осталась на месте, кусая от волнения губы.

Обойдя помещение по периметру, студенты заняли свои места в круге, и Лилька не преминула шепнуть другу:

— Ты ни разу не сбился, а Монсиха наделала ошибок!

— Вы в этом уверены, студия Зябликова? — тут же послышался голос наставницы.

— А... э-э... ну да! — пролепетала Лилька, удивленная тем, что ее услышали.

— Если это так, то не будете ли вы столь любезны поправить вашу подругу? — Мэтресса Коваль сделала приглашающий жест.

Теперь все взгляды устремились на Лильку, и она покинула круг. Ей, мгновением раньше следившей затаив дыхание за действиями выполняющей задание пары, не составило большого труда заметить, где именно сбилась Людмила. Плетение там вышло неаккуратным, несколько «нитей» легли криво, и пришлось их развезать, чтобы уложить заново.

— Грубовато и чересчур расточительно в плане расхода энергии, но в целом верно, — кивнула мэтресса. — Это все?

Лилька скользнула взглядом по стене:

— Все.

— Хорошо. Студиозус Борец! Где студиозус Зябликова допустила ошибку?

Ой! Лилька невольно вздрогнула, а Анна Белла и Людмила Монс захихикали.

— Студиозус Белла! — тут же последовал окрик. — Если вы считаете себя такой умной, найдите ошибку в плетении студиозуса фон Майнца!

Теперь пришел черед бледнеть Вальке. Он даже закусил губу, когда Анна выступила вперед, протягивая руки ладонями вверх, чтобы лучше чувствовать переплетение потоков энергии. Что до Бореца, то парень справился за считанные секунды, уверенно указав на еще одно слабое место — там все было сделано правильно, но нити уложены слишком редко, что давало лазейку для тех, кто попытался бы прорвать защиту. Несколькими пассажами он усилил защитное поле и вернулся на свое место, заслужив одобрительный кивок.

— Вот тут! — воскликнула Анна, дойдя до дальнего угла. — Тут ошибка! Я нашла!

Вальтер еле заметно покачал головой и нахмурился.

— Уверены? — не обратила на него внимания мэтресса Коваль. — И в чем она выражается?

— В том, что тут стык двух стен. И, если заклинание попадет точно в угол, два слишком близко наложенных заклинания могут детонировать и разрядиться друг на друга. — Девушка на пальцах показала, в какую сторону хлынут потоки энергии. — Может обрушиться все здание.

— Да, — к явному неудовольствию Вальтера, кивнула наставница. — Однако ошибку можно исправить. Сделайте это, студиозус Белла!

Анна одарила и Лильку, и ее приятеля победной улыбкой и повернулась к стене. Подняла руки, растопыривая пальцы, начиная тихо распутывать заклинание.

— Не молчите! — распорядилась наставница. — Комментируйте ваши действия вслух, чтобы и остальные поняли, в чем тут дело!

— Исправить ошибку можно разными способами, — начала девушка. — Можно попытаться распутать все плетение и переделать его заново, но это долго...

— И затратно в плане расхода энергии, — кивнула мэтресса Коваль. — Впрочем, этот пункт можно обойти...

Голос ее замер на вопросительной ноте, и Анна с готовностью подхватила мысль, спеша блеснуть познаниями:

— Можно обойти, если заранее озаботиться наличием накапливающего чары амулета. Защитного или атакующего — не важно. Его можно просто разрядить, чтобы подпитаться высвободившейся силой.

— Хорошо, но если у вас нет ни того, ни другого?

— Можно просто наложить сверху другое плетение, которое оттянет на себя ненужные энергетические потоки, и в критический момент энергия потечет именно по этим нитям, — ответила Анна, не прерывая работы.

Лилька даже завистливо вздохнула — что руки, что язык ее соперницы двигались легко и непринужденно. Валька угадал ее чувства и тихо пожал девушке запястье, но она вырвала руку. Вот только жалости ей сейчас и не хватало! Что бы такое сделать, чтобы ткнуть соперницу носом в грязь?

— Можно использовать любое плетение? — последовал новый вопрос.

— Нет, — быстро пришел ответ. — Проще сделать стандартную «паутинку»... — На

последнем слове Анна опустила руки и отошла в сторону.

— Которую вы нам сейчас и продемонстрировали. — Мэтресса Коваль подошла ближе, немного наклонилась, изучая работу студентки.

Заклинание «паутинка» действительно по форме напоминало паутину паука-крестовика, только в отличие от нее всегда имело идеальную форму и имело ровно двенадцать несущих нитей, которые сейчас, в сумерках подвала, поблескивали голубоватым светом.

— Отличная работа, студиозус Белла. Займите свое место... Нет, рядом со мной. Вас, студиозус фон Майнц, я тоже попрошу выйти из круга.

Юноша нахмурился, но послушался. Они остановились справа и слева от наставницы, через плечо бросая друг на друга настороженные взгляды. Остальные тоже не сводили с них глаз.

— Студиозусы Белла и фон Майнц уже сдали зачет, — снизошла до объяснений мэтресса. — Точно так же, как студиозус Монс и студиозус Борец, — выдержав драматическую паузу, добавила она. — Присоединяйтесь к вашим товарищам, подходите, господа студиозусы!.. Что же до всех остальных, то вам еще предстоит увлекательное приключение.

Лилька бросила нервный взгляд по сторонам. Она так привыкла к тому, что рядом с ней всегда безотказный Валька, что сейчас растерялась. И ведь не оглянешься на него! Стоит бросить взгляд через плечо, это станет всем заметно.

— Вы, господа студиозусы, — наставница не спешила приближаться, оставаясь вне круга, — сейчас, не сходя с места, должны выбрать себе противника из тех, кто стоит напротив вас, не указывая на него ни взглядом, ни подавая какого-либо знака. Кого выберете — не важно. По моему знаку вы атакуете его любым заклинанием не сильнее второго порядка, одновременно пытаясь защититься от ответного выпада. Какое заклинание вы используете — это ваше право. Мы изучали по меньшей мере... сколько? Терчева?

— Есть четырнадцать разных атакующих заклинаний второго порядка, — бойко начала та, — двадцать шесть заклинаний третьего порядка и...

— Достаточно! Выбор у вас огромен. Задача — заставить противника признать свое поражение и сдаться.

— А как мы узнаем, что он сдался? — пискнула самая маленькая в группе девушка, Алла Бурякова.

— Достаточно просто сказать: «Сдаюсь». Тот, кто будет продолжать атаки после этого, зачета не получает!

— А защищаться?

— Для защиты вы можете использовать обычные щиты... которые мы тоже изучали несколько занятий. Условие одно: юноши должны атаковать девушек заклинанием только третьего и четвертого порядка. То же касается девушек, если они атакуют друг друга. Второй порядок — только если ваш выбор пал на лицо мужского пола.

Означенные «лица» немного напряглись. По традиции, парней всегда среди некромантов было больше, и сейчас в круге на двадцать пять парней было всего лишь шесть девушек.

— Наши судьи будут смотреть, кто из вас нарушает данные условия, — сказала мэтресса.

Лилька покосилась на Яну Терчеву и спросила:

— Вопрос можно?

— Да.

— А атаковать можно... кого угодно?

— Да, но только из тех, кто стоит напротив.

Из девушек напротив Лильки была только Аглая Борецова. Ее брат, получив свой зачет, должен был исполнять обязанности судьи на этом странном состязании.

— Судьи по местам! — прозвучал приказ. — Начинаем на счет «три». Раз... два...

Лилька порывистым движением вздернула на себя щит. Жест получился излишне резким, парень рядом с ней даже шарахнулся в сторону, чтобы его не задело, и искрящаяся молния прошла воздух точно между ними, слегка отклонившись от прямого пути там, где ей пришлось скользнуть по краю Лилькиного щита. Ну Аглая! Ну тихоня! За что? Вот я тебя...

Девушка сложила пальцы щепотью и метнула в противницу «путы перепелки». Аглая Борецова взмахнула руками, словно пыталась взлететь. Ноги ее впрямь на пару мгновений оторвались от земли, после чего она неловко шлепнулась на песок и тут же кубарем откатилась в сторонку. «Путы перепелки» одновременно связывали в узел то заклинание, которое начинал формировать маг, и в качестве побочного эффекта сперва отрывали его от земли, лишая уверенности в себе, а потом столь же резко заставляя приземлиться.

— Борец! На место!

Властного окрика послушались оба — брат, уже кинувшийся на помощь сестре, сделал шаг назад, а сама Аглая вскочила на ноги, попутно натягивая на себя щит. Лилька попыталась пробить его стандартным «кулаком» — просто так, чтобы не стоять столбом в ожидании, пока ее осенит. «Кулак», как и следовало ожидать, легко отскочил от щита.

Рядом темноту подвала вспарывали вспышки световых заклятий. Чья-то молния отскочила от уверенно выставленного щита и ударилась в стену. Защитные чары, которые только что накладывали Вальтер фон Майнц и Людмила Монс, вспыхнули ярко-зеленым светом.

— Первый уровень! — раздался голос мэтрессы Коваль. — Люблинец! Выйти из строя!

— Но я ничего не...

— Выйти! Вон! — В пальцах наставницы заплясал огненный шар. — А вы что стоите? — напустилась она на судей. — Ваше счастье, что этот придурок промахнулся! Студиозус Люблинец! Ну?

Третий раз повторять не пришлось. Парень попятился, снимая щиты и примирительно поднимая руки:

— Я случайно! Увлёкся... Я не хотел...

— Ваше счастье, что ваша меткость оставляет желать лучшего, а качество чьей-то работы, наоборот, заслуживает всяческих похвал, — ледяным тоном процедила наставница. — Поэтому вы просто явитесь ко мне на пересдачу. Завтра в это же время... Остальные что застыли? Продолжать! Еще не все сдались!

Лилька бросила взгляд на Аглаю. Не сдались? Ну сейчас кто-то завоюет о пощаде! Девушка обрушила на противницу каскад мелких, но стремительных атакующих заклинаний четвертого порядка. По отдельности заклинание каскада не несет разрушительной силы, но, когда они буквально выстреливают одно за другим, рано или поздно могут пробить любой щит, тем более что каскад можно замкнуть в «кольцо», и оно будет срабатывать механически до тех пор, пока у его создателя хватит сил и желания поддерживать его.

Но девушка не успела замкнуть «кольцо», когда почувствовала, как невидимая рука

сдавила ее за бока.

Удар пришел... сбоку? Она попыталась отмахнуться, вырваться из постепенно сжимающихся тисков, но каждое ее движение только усиливало зажим. «Гроб упыря», атакующее заклинание второго порядка. Самопроизвольно срабатывает и подпитывается от энергии сопротивляющейся жертвы. Перебить его можно только одним способом — полностью прекратить сопротивление. Упыри обычно не умеют думать и продолжают бороться до тех пор, пока их буквально не расплющивает. А когда туловище превращается в месиво из костей, внутренностей и кожи, тут особо не подергаешься. На практике в прошлом году студентам показывали, что бывает с нежитью под действием «гроба». Половину девочек и двух парней стошнило прямо там, остальные в тот день отказались от обеда и ужина, а кое-кому еще пришлось на ночь пить снотворное, чтобы кошмары не мучили. Неужели ее тоже...

Нет!

В глазах потемнело от боли и удушья, но Лилька упрямо вскинула руку, наугад мазнув по стоящим сбоку парням и девушкам. Сноп искр сорвался с ее пальцев, ударяясь о щиты и на миг ослепляя добрую четверть группы.

— Дура! Что творишь? — слышались крики. — Совсем с ума сошла?

— Студиозус Зябликова? Выйти из...

— Не могу, — прохрипела Лилька. Отдача от «гроба» все еще ощущалась. Грудина впилась в желудок так, что казалось — еще миг, и она его пропорет. — Это «гроб»...

— И что? Вы не знаете, как от него защититься?

— Знаю...

— Так защищайтесь... Нет, студиозус фон Майнц, вы останетесь на месте!

Легко сказать «защищайтесь»! Для этого надо полностью прекратить сопротивление — вплоть до того, чтобы снять все щиты, лечь пластом, не шевелить ни единым членом, постараться не дышать и даже ни о чем не думать — не то что пытаться ответить нападающему. Это трудно, а для нежити и вовсе невозможно. Да и среди людей мало есть таких, кто откажется от борьбы за свою жизнь, сумеет переступить через инстинкт самосохранения. «Гроб» как раз на это и рассчитан.

— Падай!

— Майнц, молчать!

— Падай, Лилька!

Ноги подогнулись, и девушка рухнула на пол. Больно ушиблась обо что-то локтем, взвыла, невольно дернувшись, и тут же подавилась криком — от невольного резкого рывка на нее навалилась такая тяжесть, что кости захрустели. Стиснув зубы, зажмурившись и чувствуя, как из-под век бегут слезы отчаяния и боли, она приготовилась к... смерти? Глупо. Страшно. Невероятно. Что стоит мэтресса Коваль? Почему ничего не предпринимает? У нее на занятии прямо сейчас скончается студентка четвертого... почти уже пятого курса, а она...

Впрочем, что — «она»? Не секрет, что в университете время от времени происходили несчастные случаи, зачастую со смертельным исходом. То студенты решат провести эксперимент в комнате и разнесут половину этажа так, что рухнувшими перекрытиями задавит нескольких человек, то перепутают заклинания и вместо целительного произнесут родовое проклятие, то на практике сунутся под горячую руку и получают травму. А то и какой-нибудь упырь или вурдалак разорвет практиканта... Бывали, хоть и редко, случаи, когда студенты калечили друг друга намеренно: то мстили за что-то, то просто радовались

возможности почувствовать себя настоящим Темным Властелином... Ни один выпуск не обходился без такого случая, и кроме Зала Славы существовал еще и Зал Позора, где были выставлены портреты тех студентов, чьи действия привели к человеческим жертвам. Неужели и она, Лилия Зябликова, тоже пополнит список жертв? И чей тогда портрет появится в Зале Позора? Кроме того случая на первом курсе, когда один из мальчишек случайно оказался слишком близко от очередного «экспериментатора», с ее однокурсниками пока ничего трагического не происходило. Но это пока...

От гулкого шума крови в ушах Лилька не слышала, что происходило вокруг. Только поняла, что действие «гроба» закончилось. Боль какое-то время нарастала, а потом пошла на убыль. У нее получилось? Похоже, что да. Теперь шаг второй. Осторожно сосредоточиться и...

Думать следовало тоже с опаской, ибо существовала модификация «гроба» для мыслящих существ, а ведь большинство заклинаний сначала продуцируется в голове, и вспышку мозговой активности тоже можно принять за сопротивление организма. Поэтому часто советуют «не думать ни о чем». Лилька вот отвлеклась на воспоминания...

Атака!

От волнения девушка применила простую «волну» — исключительно силовое заклинание, от которого всех студентов просто оттолкнуло в разные стороны. Кто-то лишь отступил на шаг, кто-то шлепнулся на задницу, а кто-то чуть не отлетел к стене. Задело всех, и хотя никто не получил травм — ушибленные локти и колени не в счет, — Лилька наслушалась о себе много лестного, пока поднималась на ноги.

— Ну ты того! Даешь! — Петр Варяжко, белобрысый худощавый парень, покачал головой. — Вот уж не думал...

— Не думал, что выживу? — напустилась на него Лилька. — Поэтому и «гробом» решил меня припечатать?

— Я? Ты с ума сошла! Зачем мне в тебя «гробом» кидаться? Я и стоял-то сбоку...

— Именно! А «гроб» сбоку и прилетел!

— И все равно это не я! Сама подумай: зачем мне это?

Но Лилька уже и сама поняла, что сморозила глупость. С Петром они не ссорились, общались, как все, замечая друг друга постольку поскольку. И заклинание прилетело с другой стороны... Нет, это не Петр. А кто?

— Ты в порядке? — Валька мигом оказался рядом, поддержал за локоть. — Сильно досталось?

— Не знаю.

— Сходите в медцентр, студиозус Зябликова, — непререкаемым тоном сказала наставница. — Немедленно! Занятие окончено.

Мэтресса Коваль была так спокойна, словно это не на ее уроке одна из студенток чуть не рассталась с жизнью. Впрочем, ее можно было понять: зачет для того и устраивается, чтобы проверить силу и способности молодых людей. Кроме того, почти пятый курс — это не первачки, которые ничего не умеют. На первом курсе даже нет такого предмета — заклинания, только факультатив со второго семестра. И если кто-то из старшекурсников на зачете или экзамене получил травму, значит, сам виноват, надо было весь год заниматься.

— Я сдала? — подумала об этом Лилька.

— Она сдала? — эхом повторил ее вопрос Вальтер.

— Да, сдала. Все сдали. — Голос мэтрессы Коваль чуть дрогнул. — И, пожалуй, такого

давно не было в моей практике, но из вашей группы никто не явится ко мне на пересдачу!

Это заявление было встречено таким громким воплем, что наставница тут же пригрозила отменить свое решение и устроить переэкзаменовку для тех, кто орет громче всех. После чего вся группа разом замолчала и поспешила убраться из подвала на вольный воздух. Неожиданно для себя помилованный Люблинец бежал впереди всех.

Вальтер решительно взял Лильку под локоть и потащил в сторонку.

— Ты вся бледная, — сказал он. — В темноте не разглядеть, а на свету просто смотреть страшно. Все в порядке? До медцентра сама дойдешь или тебя отнести?

— А тебе бы меня только полапать? — фыркнула девушка.

— Да ты чего? — тут же обиделся юноша. — Как ты могла такое подумать?

— Могла, — огрызнулась Лилька, но тут же сама крепче сжала его локоть. — Извини, Валь, я сама не своя. Просто я подумала...

Она осеклась, еще раз вспоминая все произошедшее в подвале.

— Что? Тебе плохо?

— Валь... — Девушка задохнулась. — Меня хотели убить.

4

— Никаких повреждений нет. Я имею в виду — фатальных, из-за которых нужна госпитализация, — сказала матушка Кромби, закончив осмотр. — Но на вашем месте, девочка, я бы все-таки полежала день-другой в постели и сдала анализы завтра утром. Мало ли, вдруг последствия все-таки будут?

— Нет, спасибо, я пойду. — Лилька сделала попытку подняться с кушетки.

— Не нравится соседство? — понимающе улыбнулась матушка Кромби. — А что поделать? Кушать всем хочется, не только хлеб, но и маслице на хлебе.

Под соседством она понимала трех студентов-добровольцев, на которых тестировали очередной лекарственный препарат. Они занимали койки в дальнем углу смотровой палаты. Две практикантки и помощница матушки Кромби неотлучно находились возле них, записывая показания. Как раз сейчас один студент начал стремительно зеленеть. Сначала зелеными стали кисти его рук и ступни — все три парня были совершенно голыми, только чресла целомудренно прикрыты полотенцем, — потом зелень начала распространяться выше, и практикантки засуетились, не зная, за что хвататься.

— Это не заразно? — забеспокоилась Лилька.

— Нет. Надеюсь, что нет. — Матушка Кромби наблюдала за происходящим с отстраненной улыбкой. — Сейчас ему введут противоядие.

Последние слова она произнесла чуть громче, чем следовало, и помощница, уловив подсказку, кинулась к столику с лекарствами.

Медцентр примыкал к главному корпусу факультета целителей. Помимо смотровой палаты там имелись кабинеты, лаборатории, операционная и три палаты для заболевших студентов, чтобы они могли лечиться в стенах родного учебного заведения, а не отправляться по домам порой через всю страну. Остаться на лечении в медцентре разрешили после того, как три студента не доехали до родителей живыми, скончавшись в пути. Была здесь отдельная палата для преподавателей, а также аптека и травмпункт. Матушка Кромби была штатным терапевтом, и только, не являясь преподавательницей, а подобными испытаниями

занималась ее помощница по собственной инициативе. Девушка заочно училась на целительницу.

Позеленение студента удалось остановить, суета стихла.

— Может, еще полежишь? — Матушка Кромби ласково погладила Лильку по руке. — Переведу тебя в отдельную палату. Дам укрепляющий настой, переночуешь под присмотром...

— Нет, спасибо. — Девушка решительно села. — У меня дома котик один. Некормленный.

— Кот — это серьезно. — Матушка Кромби открыла дверь. — Однако неужели о нем некому позаботиться?

— Левку мог бы покормить и я, — тут же предложил свои услуги дожидавшийся в коридоре Вальтер. — Он меня вроде как подпускает...

Это действительно было так. Рыжий Левиафан кусал и царапал почти всех однокурсников хозяйки, и только с Вальтером фон Майнцем у них было что-то вроде пакта о ненападении. Мол, я тебя не тискаю и не чешу за ухом, а ты не раздираешь мне руки в кровь.

— Вот видите, деточка! — всплеснула холеными руками матушка Кромби. — Как все чудесно устраивается! Молодой человек покормит вашего котика, а вы эту ночь проведете под присмотром специалистов. До конца рабочего дня с вами побуду я, только иногда буду отлучаться по делам. Потом ненадолго с вечерним обходом заглянет доктор Шварц, а до утра вас будет навещать сиделка. Правда, у нее в соседней палате трое больных, но она обязательно найдет минутку с вами поболтать. Она же принесет вам ужин из столовой и любые книги. У нас тут, между прочим, есть своя библиотека. И даже фантастика! — подмигнула матушка. — Мы получили новый журнал с романом «В дебрях пустыни» — это о приключениях отважных автогонщиков.

Книгой о нелегкой судьбе экипажа самодвижущейся повозки, работающей не на магии, а на каком-то жидком алхимическом топливе, зачитывались все. Кое-кто сторяча кидался изобретать такое «топливо» и даже вливать полученную смесь в приборы. Однако при попытке поджечь ее (все как по инструкции, ведь не случайно же автором упоминалась проскочившая искра?), вместо того чтобы двигаться, приборы взрывались. Так что в университете даже подумывали с нового года запретить всякую фантастику как не соответствующую действительности.

Однако даже перспектива первой на курсе прочесть новую главу скандальной книги не подвигла Лильку остаться.

— Я пойду! — решительно заявила девушка, переступая порог.

— Это крайне неразумно с вашей стороны, — покачала головой матушка Кромби и посмотрела на Вальтера. — Но вы должны пообещать мне, что, если ей станет хуже, немедленно доставите больную в медцентр? Я работаю до шести, потом до восьми тут будет доктор Шварц. Ради вас он может даже на пару минут задержаться...

— Обещаю, — кивнул Вальтер так торжественно, что Лилька прыснула.

Тоже мне рыцарь благородного образа! Хотя Валька граф, может, ему воспитание и происхождение не позволяют поступать иначе! Был бы он герцогом или вообще принцем крови, сам к кровати бы ее привязал. У коронованных особ гипертрофированное чувство ответственности. Настоящий принц, например, никогда не сбежит из дома и не станет странствующим рыцарем — ему некогда думать о таких глупостях, он готовится стать королем... Но если принц пятый или шестой в очереди на трон и у старшего брата свой

наследник имеется, то почему бы и нет. Вот тут уже и родня на дыбы встанет: а ну как потом незаконнорожденные дети пойдут, а от них все смуты и войны получаются? Так что хорошо, что Валька только граф.хлопот меньше.

Кабинеты, где проходил прием специалистов, находились в разных коридорах медцентра, и попасть в них можно было по общей центральной лестнице. Дойдя до лестничной площадки, Лилька вдруг с замиранием сердца остановилась. По противоположному коридору не спеша шли двое: один из целителей — прием в поликлинике вели преподаватели факультета целительства, подрабатывая после занятий, — и декан факультета некромантии мэтр Виктор Вагнер собственной персоной! Целитель придерживал некроманта под локоть и что-то негромко вголковывал.

— ...сильнодействующий, так что будьте осторожны, — говорил он. — И не забывайте про побочные эффекты!

— А совсем избавиться от этого нельзя? — спрашивал мэтр Вагнер.

— Мы работаем над этим, но...

— Валька, отцепись от меня. — Лилька решительно стряхнула с локтя руку юноши. — Что ты тащишь меня, как тяжело раненную? Я сама могу идти!

— Точно? — прищурился тот.

— Точнее не бывает! — И девушка решительно прибавила шаг, стремясь поравняться с деканом.

Судьба благоволила ей — к лестнице они подошли одновременно. Обсуждавший с целителем побочные эффекты нового препарата и меры предосторожности, мэтр Вагнер до последнего не замечал девушку. Лильке самой пришлось привлечь к себе внимание.

— Ой, мэтр... — Она захлопала ресницами. — Вот это да. Я не знала... Такая встреча...

— Студиозус Зябликова? — нахмурился тот. — Студиозус фон Майнц? Вы что здесь делаете?

— Лилии стало плохо на занятии, вот я и отвел ее в медцентр, — объяснил юноша. — Переволновалась на зачете.

— На каком? — Декан переводил взгляд с юноши на девушку. — Ах да. Зачет по заклинаниям... И каковы успехи?

— Вся группа сдала.

— С первой попытки? Странно. Что это нашло на мэтрессу Коваль? Но, как бы то ни было, поздравляю... Кстати, студиозус фон Майнц, мне сообщили, что вы, кажется, попросились в мою группу? Вместо Земница. С чего вдруг?

— Это наши с Земницей личные дела, мэтр, — уклончиво ответил юноша. — Вы удовлетворите мою просьбу о переводе?

— Да, если ваш куратор не против... Студиозус Зябликова...

Лилька вздрогнула.

— Вы... так и не переоделись?

Девушка помотала головой.

— В самом деле, — покачал головой декан. — В таком случае, пока не смените блузку, держитесь от меня подальше.

— Так это на нее у вас аллергия? — пошутил целитель, который пока не вмешивался в разговор.

— Не на нее, а на кота. Она держит его в комнате! — резко ответил мэтр Вагнер, торопливо доставая из кармана склянку с таблетками и проглатывая одну.

— Осторожнее! — воскликнул целитель. — Препарат...

— Знаю-знаю, нового поколения, обладает рядом побочных эффектов, — отмахнулся некромант. — Вряд ли что-то будет с одной таблетки. Но если я в течение двух месяцев буду жить только на лекарствах против шерсти вашего кота, боюсь, это будут два последних месяца в моей карьере...

— А то и в жизни, — решительно перебил его целитель.

— Вы этого хотите, студиярус Зябликова?

Девушка испуганно помотала головой.

— И хорошо. Надеюсь, вы решите этот вопрос. И либо избавитесь от кота, либо переведетесь в другую группу.

— Мы обязательно что-нибудь придумаем, мэтр, — заверил декана Вальтер, снова беря Лильку под локоть.

Девушка была так ошеломлена сердитой отповедью, что не только позволила другу эту вольность, но и сама ухватила за него двумя руками.

— Что же делать? — прошептала она.

— Доверься мне, — шепнул юноша.

Мэтр Вагнер тем временем попрощался с целителем, сунул склянку с таблетками в карман и, решительным жестом велел студентам посторониться, направился вниз по лестнице. Лилька затопала следом, но не прошла и пары шагов, как за второй локоть ее ухватил целитель.

— Если у моего коллеги это действительно аллергия на шерсть вашего кота, — шепотом промолвил он, — я бы сто раз подумал, как поступить.

Лилька надулась. Еще и посторонние ее учить будут!

Но настроение у девушки упало окончательно, когда, спускаясь на несколько ступенек позади декана, она заметила, что у крыльца топчутся Анна Белла, Людмила Монс и Яна Терчева. Девушки нетерпеливо переминались с ноги на ногу и, едва мэтр Вагнер показался на крыльце, со всех ног бросились к нему:

— О, мэтр, как ваше здоровье? Вы в порядке? Все хорошо?

— Успокойтесь, девушки, опасность миновала, — с улыбкой отбивался тот, впрочем, без особого возмущения. — Обычный приступ...

— Ничего не обычный! — возмутилась Анна. — Александер рассказывал, что от этого даже умереть можно!

Александер Белла, брат Анны, учился на алхимика, но был в курсе всех дел сестры, поскольку для поступления на факультет некромантии ему не хватило одного балла и он поневоле близко к сердцу принимал все, что происходило в некромантской среде.

— Скажите своему брату, студиярус Белла, что моя жизнь в надежных руках, — спокойно ответил декан.

— Он мне передал для вас... вот. — Девушка смущенно протянула ему какую-то коробочку. — Это...

— Лекарство?

— Мм... да. Только принимать его надо в крайнем случае. Оно... широкого спектра действия.

— Хорошо, студиярус Белла. — К великому возмущению подсматривавшей с лестницы Лильки, мэтр Вагнер убрал коробочку в тот же самый карман, где была склянка от целителя.

Анна просияла.

— Спасибо, мэтр. Если бы вы знали, как мы за вас переживаем! Вы — самый лучший преподаватель на всем факультете!

— И самый красивый, — пискнула Яна, тут же заработав тычок локтем от подруги.

— Извините ее, пожалуйста, — пробормотала Анна, — она... переволновалась.

Виктор Вагнер в ответ улыбнулся так, как умел улыбаться только он. Лильке с лестницы не была, конечно, видна его улыбка, но она обо всем догадалась по голосу, когда декан произнес:

— Извинения приняты...

— И не сердитесь на Зябликову. Она... немного не такая... как все.

Этого Лилька не могла стерпеть. Стиснув кулаки, она кинулась было вниз по ступенькам, но Валька успел удержать ее от порыва:

— Нет! Не надо!

— Ты чего? — Девушка сердито уставилась на своего спутника.

— Не надо, — повторил Вальтер. — Не лезь.

— Но они... они...

— Знаю. И что ты сделаешь? Кинешься в драку? Напустишь на них «гроб» или какое-нибудь другое заклинание?

Лилька стиснула кулаки и зубы. В чем-то ее друг был прав. Вскинув голову, она стала спускаться, но медленно и спокойно.

— Привет, девочки, — пропела медовым голосом, поравнявшись с подругами. — Как жизнь? Скучаете? К практике готовитесь? Или к прощальной вечеринке?

— К какой еще вечеринке? Лилия, ты чего? — вытаращилась на нее Анна Белла.

— К обыкновенной. — Девушка улыбнулась еще шире. — Вы же втроем постоянно ходите, даже в уборную. Это с первого курса все знают. А вот сейчас расстаетесь впервые в жизни. Наверное, это так трудно — сразу лишиться и подруг, и свиты, и прислуги. Короля делает свита, а ты, Анна, впервые без свиты останешься... Представляю, каково тебе будет. Сочувствую даже!

Анна Белла заскрипела зубами.

— Ошибаешься, — процедила она, — я прекрасно могу обойтись без... без прислуги! И ты, Лилия, не имеешь права так думать...

— Слышите, девочки? — подмигнула Лилька Людмиле и Яне. — В ваших услугах не нуждаются!

После чего улыбнулась еще раз декану, кивнула мямвшемуся в сторонке Вальтеру и спокойно отправилась прочь.

Четыре пары глаз смотрели ей вслед.

— И как это вас угораздило выбрать именно ее в подопечные? — вздохнула Анна, незаметно толкнув локтем стоявшую ближе всех к ней Яну.

— Это вышло случайно, — пожал плечами декан. — Ваш курс оказался таким большим, что мое участие в практике стало необходимым, тем более что в начале учебного года по традиции нагрузка не так велика. Мы просто разделили строго по алфавиту весь курс на группы по четыре человека, после чего каждый из кураторов вытащил бумажку со списком. Жребий указал на ту четверку, в которую входила студия Зябликова...

— А если бы вам предложили изменить состав группы, вы бы согласились? — улыбнулась Анна. — Избавиться от этой девицы и взять кого-нибудь другого?

— В каком это вы смысле?

— Ну, избавиться от подопечного... передать его кому-нибудь другому... как все передают! Лилия... сами видели, какая она! С ней порой бывает очень сложно. Даже невозможно...

— Избавиться от подопечного... — На лице декана появилась странная улыбка. — Студиозус Белла, ваше предложение по-своему интересно, однако вынужден отказаться. Все мы хотим, чтобы наша жизнь была легка и приятна, но, чтобы таковой ее сделать, надо уметь не пасовать перед трудностями. Каким бы я был преподавателем, если бы не смог справиться со студенткой? Всего хорошего, девушки. И советую вам, как говорила ваша подруга, подумать о завтрашнем дне. Завтра у вас сдача, если не ошибаюсь, трех зачетов, в том числе и по боевой магии.

Кивнув еще раз на прощанье, он ушел, оставив подруг наедине.

5

— Молодец, Лилия! Как ты их ловко срезала, — шептал по дороге Вальтер.

— Срезала, — сквозь зубы процедила Лилька. — А хотела зарезать.

— Как? Ножом? Ритуальным? По всем канонам теории жертвоприношения?

— Хотя бы! — кровожадным тоном ответила девушка. — Ненавижу!

— Было бы из-за чего...

— Как ты не понимаешь, Валь, — взорвалась Лилька. — Меня хотели убить! Этот «гроб» напустили не просто так. И его напустили не с той стороны! Ты же знаешь способ построения классического щита — он не круговой, а фронтальный.

— Н-ну... — До юноши, кажется, что-то стало доходить.

— Вот именно! «Гроб» прилетел откуда-то сбоку, хотя я ждала удара спереди. Валь, его нарочно пустили так, чтобы удар был смертелен!

На это юноша не нашел, что возразить. Действительно, то, что произошло на зачете по заклинаниям, настораживало, но, с другой стороны, если учесть, что чуть ли не каждый год происходят несчастные случаи...

— Но кто?

— Эта задавака Белла, кто же еще? — процедила Лилька.

— Не сходится, — подумав, высказался Вальтер. — Она стояла рядом со мной и в задании не участвовала. Думаешь, я бы не почувствовал, если бы она начала творить заклинание? И там была мэтресса Коваль. Она тоже знала, что с нашей стороны ничего не могло прилететь... И Монс тоже там не было. А Терчева стояла впереди. «Гроб» же, как ты сама сказала, пришел откуда-то сбоку...

Лилька и сама искала ответ на вопрос: «Кто?» — и склонялась к той же мысли, но, когда ее сомнения озвучил друг, заспорила из чувства противоречия:

— Значит, у них был сообщник, только и всего!

— Или Белла и ее подруги тут ни при чем, а кто-то из наших просто промахнулся, целясь в кого-то другого! Там столько разнополярных заклинаний в это время срабатывало, что немудрено, если одно-два отклонились от цели. Нас поэтому и ставят в круг, чтобы в случае перекося заклинание ударило хоть в чей-то щит!

— Самый умный, да? — разозлилась девушка, сообразив, что, если он прав, она выставляет себя в глупом свете. — Говорю же, меня хотели убить! Но за что? Я сама не знаю!

— А должна! Потому как, если поймешь за что, узнаешь и кому это выгодно!

— И кому? — Девушка даже остановилась.

— Не знаю, — честно помотал головой юноша. — Я есть хочу. А на голодный желудок мне плохо думается. Пошли в столовую? Сейчас уже ужин будут накрывать...

— Нет, — вздохнула Лилька. — Ты иди, если хочешь, а я не могу. У меня от всего этого аппетит пропал. И еще с Левкой проблемы... Ох, даже жить не хочется!

— Не переживай! — Вальтер поддержал ее под локоть. — Справимся! Я не пойду в столовую, раз такое дело. Но, если ты мне сделаешь чай с бутербродом, я скажу, что придумал по поводу твоего кота.

— Правда? — Лилька мигом забыла свои проблемы и чуть не повисла у друга на шее. — Скажи, Валька! Скажи!

— Только в обмен на бутерброд, — открестился он.

На углу у столовой стояло несколько студентов из их группы, среди них были брат и сестра Борец. Вся компания проводила взглядом идущую к общежитию парочку.

— Прямо жалко Вальтера, — вздохнула Аглая Борецова. — Бегает он за этой Зябликовой, аж пятки ей готов лизать, а она им крутит как хочет.

— Все вы, девчонки, такие, — возразил ей брат.

— Не все!

— Ну да, ты у меня особенная, — кивнул Антон Борец. — Ты моя сестра! Но ты права. Вальтер все равно тряпка! Так унижаться... Тьфу! Я вот ни перед кем не собираюсь так расстилаться!

— Надо Вальтеру сказать, — начал один из парней, — открыть ему глаза...

— Тихо ты, — накинулись на говоруна со всех сторон. — Молчи! Только пикни ему чего-нибудь! Он живо своей Лилечке разболтает! Лучше пусть и не знает ничего!

Из дневника кота Левиафана

Явилась наконец! Вспомнила про бедного Левушку, который не кормлен, не глажен, не люблен и лоток у него грязный! Совесть проснулась...

Никак не одна явилась? Значит, опять Левушка позабыт, позаброшен, горькой судьбинуской обижен? Так, а с кем это она? Ой, кажется, этот... единственный нормальный! Я ему всего лишь один раз руку до крови располосовал, так он не только не пнул меня в отместку, но даже похвалил. Так и сказал: «Серьезный товарищ!» Я его после этого зауважал даже немного. Ну, если опять этот нормальный, значит, можно вылезать из-под дивана.

Спрашивается, зачем я туда залез? А за своей новой игрушкой. Хозяйка вообще не заботится о досуге своего любимца, вот и приходится развлекаться самому. А игрушка вещь! Сам сделал. Вот, несу хвалиться.

— А-а-а-а! Убери! Убери это! Ма-а-ама!

Ну чего орет? Чего визжит и с ногами на кровать вскакивает? Мне же еще на этом покрывале потом спать, а она в туфлях... Ну крыса. Ну и что? Сам поймал! Гордиться должна, что у нее Левушка такой хороший охотник, а она... Не ящерица же. И не змея. И не ворона, которая мне, между прочим, чуть глаз не выклевала. Тогда мне же еще за «издевательство над бедной птичкой» попало тапкой по заднице. А эта крыса, между прочим, покушалась на нашу еду!

Ну чего орешь? Крыс никогда не видела? Да смотри, она даже не пострадала почти! Я

исключительно деликатно, можно даже сказать, не разжимая зубов...

— Мряу?

— Убери-и-и-и...

Что теперь не так? А, наверное, я мало крысу придушил? Ну да, она живая. Вон как удирает! Я что, дохлых буду на кровать класть? Сейчас я ее...

Хлоп.

Ух ты! Вот это удар! Спокойно, резко... Этот нормальный ничего. Тоже охотник. Зауважал еще больше. Пожалуй, больше не буду на него рычать. Гладить, однако, тоже не позволю... Пф-ф! Руки прочь! Когти видел?

— Левиафан, ты что, обиделся, что я твою крысу прибил? Ну извини. Но она Лилию напугала, вот я и... Прости!

Это он что, извиняется? Передо мной? Ух ты! Теперь я его не только уважаю, но и немного даже люблю. Надо, наверное, как-нибудь потом разрешить ему себя погладить. Чуть-чуть, одним пальцем. А то знаю я этих людей. Чуть что — начинают любить и тискать. Но этому можно помурчать. Немножко. Пока буду есть свою крысу. Вы что, думаете, я ее просто так ловил?

Хозяйка тем временем принялась нарезать ветчину и сыр, а также хлеб, зажгла горелку под чайником. Запах горящего металла мне не нравится, но вот сырок и ветчинка... мм... может, крысу пока приберечь, а самому попробовать выклянчить немного вкусняшек? Неужели они не поделятся с бедным, умирающим от голода котеночком, который уже шесть часов ничего не ел?

— Ми-и-а-у-у...

Вот, кажется, правдоподобно получилось. Аж самого слеза прошибла. Еще надо добавить тоски во взоре и изобразить, что не могу подойти, потому что от голода лапы подкашиваются.

— Ми-и-и... Ну, ми-и-илые люди, ну что вам стоит? Ну святыми котанами заклинаю, во имя гуманизма, дайте поесть худому организму!

Цепляясь когтями за ковер, подполз ближе и распростерся у ног этой бесчувственной девицы, которая не понимает, что своей ветчиной только издевается над бедным животным. Он, то есть это животное, для нее жизни не жалеет, с риском для здоровья на полу валяется, по нему ногами ходят, а она ничего не замечает! Вот умру тут от голода и холода, будете плакать... Мол, вернись, Левушка, я все прощу. А Левушка уже пропал...

— Ми-и-и...

Святые котаны! Глазам и носу не верю! Ветчина! Прямо перед мордой! Откуда? Боги, я в вас верю! Кто такой добрый? Кому я целую седмицу обещаю в тапки не гадить? Ах, этот гость... Тоже ничего. Я же говорю, он самый нормальный. Никогда не упускает случая показать, что котов уважает. Мы, коты, самые главные существа на земле. Высшие существа, можно сказать! Вся человеческая цивилизация создана для того, чтобы нам было удобно.

А ветчинка вкусная. Пожалуй, я даже немного помурчу от удовольствия.

— Красивый у тебя кот, Лилия. Весь такой... характерный, мужественный.

Это что? Compliment? Мне? Впрочем, что я удивляюсь? Это же самый нормальный тип двуногих, кого я знаю, за исключением моей хозяйки, разумеется! Продолжайте меня хвалить, продолжайте! Я не против послушать еще...

— Красивый-то красивый, да что с ним делать?

Подавился ветчиной. Как это — «что делать»? Надеюсь, она не про визит к ветеринару?

Знаю я этих... волшебников-недоучек. Если они пару раз дракона от блох вылечили и у единорога роды приняли, значит, им можно спокойно доверить осмотр кота? Ну уж дудки! Только через мой — то есть сначала их, а потом уж мой! — труп.

— Я придумал.

— Что?

Девушка и кот одновременно подняли головы, уставившись на юношу. Тот в одной руке держал надкусанный бутерброд, вернее, только хлеб, поскольку ветчина уже валялась на полу, в другой — чашку травяного чая и, посмотрев на то и это, сунул оба предмета на стол, освободив руки.

— Его можно отдать.

— Как отдать?

— В добрые руки. Знаешь, пишут же объявления: «Отдам вещь в добрые руки, самому не нужна...»

— Левиафан не вещь. Понимаешь? Он... ты же знаешь, кто для меня Левиафан! Мне его бабушка подарила, когда он был еще котенком.

Это действительно было так. Года за два до того, как Лилия Зябликова решила стать некроманткой, когда ее дар только-только начал просыпаться, но пока еще не оформился, родные до того испугались, что в дочке скажутся бабушкины гены, что фактически отослали дочь из дома к родне. С глаз долой — из сердца вон. Та родня скоренько отправила девочку-подростка к другой родне, другая — к третьей, четвертой, и Лилька какое-то время кочевала от семьи к семье, пока не додумались сплавить ее бабушке. Вот тогда-то в ее жизни и появился Левиафан, тогда еще просто маленький песочно-рыжий котенок. Сначала его хотели назвать Львом, но, когда он подрос, имя переделали в Левиафана. Лильке тогда было шестнадцать лет. И вот уже целых пять лет они были вместе.

— Да все я понимаю. — Вальтер посмотрел на рыжего толстого кота, который застыл, как памятник самому себе, с уже третьим куском ветчины в пасти. — Понимаю, что друзей бросать нельзя. Понимаю, что вы друг к другу привыкли, но... если это для тебя так важно... если нет выбора — или он, или мэтр Вагнер...

Упоминание о красавце-декане — и, самое главное, воспоминание о том, как он стоял у медцентра и разговаривал с ее соперницей, — подкосило Лилию. Девушка села на стул, сложив руки на коленях.

— С одной стороны, он твой друг, а с другой... практика, учеба и вообще... будущее, перспективы, — говорил меж тем Вальтер фон Майнц.

У юноши с перспективами тоже все было туманно, ибо граф, состоящий в дальнем родстве по отцу чуть ли не с половиной знатных семей страны и даже за рубежом, некромантом быть никак не может.

— Практика, учеба, — кивала девушка, прислушиваясь к своим мыслям.

— Значит, надо выбирать... Мы — будущие некроманты, перед нами часто будет стоять такой вот выбор, и придется решать что-то уже сейчас... Но, если тебе тяжело расстаться с Левиафаном, можно поступить, как я — попытаться перевестись в другую группу. Мэтр Вагнер пойдет навстречу. Посодействует. И если мы завтра к нему подойдем...

— Нет!

Только не перевод в другую группу! Это, может, облегчит ей жизнь, но навсегда лишит шанса очаровать Виктора Вагнера. Кроме того, не стоит забывать, что вместо нее в группу

может войти Анна Белла. Девушка из династии потомственных некромантов вполне выгодная партия для молодого амбициозного декана, мечтающего после отца занять ректорское кресло Университета некромагии.

— Я согласна, Валь! Только как мы это устроим?

— Надо, — юноша отодвинул в сторону чашки и тарелку с бутербродами, освобождая половину стола, — просто-напросто развесить объявления и слегка подкрепить их симпатическими чарами, чтобы на них как можно скорее обратили внимание. И написать что-то вроде: «Отдам kota в добрые руки в связи с переездом. Обращаться по адресу...» и так далее.

Они что? Всерьез? Вот так запросто отдать любимого родного Левушку? Да кто они после этого такие? Надеюсь, это шутка? Нет. Достает бумагу, перо, чернила. Начинает писать...

Вот тут я окончательно подавился ветчиной.

Полночи Лилька ворочалась в постели и никак не могла заснуть. Ее душили по очереди совесть и кот. В конце концов, кот был побежден и изгнан с кровати на заваленный вещами стул.

Вчера они с Вальтером весь вечер сначала писали объявления, потом бродили по городу и расклеивали их на перекрестках. На каждое объявление дополнительно накладывали охранные чары. Это Валька придумал — использовать те же самые заклинания, которыми некроманты пользуются, чтобы замаскировать ловушки, расставленные для нежити. Чары, с одной стороны, были призваны отпугивать людей и обычных зверей, а с другой — привлекать нечисть и нежить, на которую и рассчитывались. Здесь же все векторы приложения сил предполагалось вывернуть наизнанку, чтобы людей, наоборот, привлекать, заодно мешая им повредить объявлениям. Нет, какой же Валька все-таки умный! Как хорошо иметь такого преданного друга!

Радость от вчерашнего похода несколько омрачилась тем, что, когда усталая девушка вернулась в комнату, там все было перевернуто вверх дном.

Шторы валялись на полу, разодранные на лоскутки. С кровати на пол было скинуто абсолютно все, и на голых досках красовалась уже частично подсохшая кучка, место которой было в лотке. Одежда и обувь разбросана. Повсюду перья от порванной подушки и клочки бумаги. Виновник этого безобразия спал на столе, раскидав лапы и передней придерживая куриную тушку. Причем, судя по всему, курица еще сегодня утром была жива-здоровая и с жизнью распрощалась буквально несколько минут назад.

Услышав отчаянный вопль хозяйки, Левиафан приоткрыл один глаз, потом второй, увернулся от брошенной в него туфли и удрал под кровать, не забыв прихватить курицу с собой. А Лилия, ругаясь сквозь зубы, принялась наводить порядок. Досталось всем — и Вальтеру за то, что придумал эту эпопею с объявлениями, и коту за учиненный беспорядок, и Виктору Вагнеру за его аллергию, и Анне Белле за то, что она такая красивая и наглая, и бабушке за то, что не могла подарить нормального кота, а заодно и всему белому свету.

На грохот передвигаемой мебели и шорохи сбежались соседки, так что порядок наводили впятером. Справа от Лильки жили Виктория Крама и Алла Бурякова, а слева Аглая Борецова и Ивонна Швецова. В комнате напротив обитала девушка с факультета целителей, Мирабелла Флик. Со всеми ними у Лилии были хорошие отношения, и девушка с радостью приняла их помощь. Но все равно настроение было испорчено, и уже потом, выставив приятельниц за порог и закончив уборку в одиночестве, Лилька долго не могла заснуть. Она представляла, как этот случай обсуждают все на факультете и с подробностями пересказывают Анне Белле. Ивонна дружит с Терчевой, а Янка Терчева вообще Анне в рот заглядывает...

От расстройства она даже всхлипнула, и Левиафан тут же запрыгнул на постель, прошелся по ней и с громким утробным урчанием принялся тереться о ее щеки и лоб.

— Уф... Левка, пусти! Да ну тебя, — пробовала отпихнуть его девушка. — Не мешай!

— Мр-рым!

— И хвост убери! Тьфу!

— Мя-ау...

— Пусти. — Лилька села на постели, скинула кота. — Мне вставать пора!

Левиафан мягко прыгнул на пол и обиженно мявкнул. На минуту девушку ощутила что-то вроде угрызания совести и, наклонившись, погладила кота по толстой шее, почесав за ухом. Как-никак этот кот был с ней почти пять с половиной лет. Она помнила его крошечным комочком, когда никто и подумать не мог, что уже через год из него вырастет нечто такое толстенное, что на ум будет само собой приходить сравнение с чудовищем. Но что поделать, если у любимого преподавателя внезапно началась аллергия на шерсть, а кроме чувств на кону стоит еще и получение диплома? Зря, что ли, она училась столько лет? Зря поругалась с родителями, которые до последнего не одобряли поступление дочери на один из самых мужских факультетов университета. Меньше девушек поступало только на факультет боевой магии. Случалось, что во всем потоке не было ни одной девчонки среди боевых магов, и тогда общежитие факультета устраивали по типу казармы — не отдельные комнаты, а ряды двухэтажных кроватей вдоль стен, повсюду развешано оружие, а под ногами валяются части доспехов и снаряжения.

Но Лилия была упряма и тогда настояла на своем. Так что же теперь, все бросить?

Убедившись, что хозяйка встала с постели и хлопочет по хозяйству, Левиафан сделал несколько шагов, хрипло мякнул и, покачнувшись, упал на пол, раскидав в стороны лапы и хвост. Глаза его закатились. Прodelал он это так внезапно, что Лилька едва об него не споткнулась.

— Левка? Ты чего?

Кот, не открывая глаз, издал страдальческий хрип.

— Левушка? Ты как? — Девушка с трудом подняла тушу. Та обвисла у нее на руках. — Левка, я все понимаю. — Лилька отнесла кота на кровать, сгрузила на скомканное одеяло. — Но давай голодные обмороки на вечер перенесем? А пока я просто оставлю тебе поесть и пойду в университет. Мне сегодня к нулевой паре. Я тороплюсь.

Левиафан испустил еще более протяжный, почти человеческий стон, в котором звучала вселенская скорбь.

— Я правда опаздываю! — Лилька все-таки погладила кота, но отошла и навалила в миску рыбы.

Кот следил за ней одним глазом, не выходя из образа. Он ни разу не пошевелился и не издал ни звука, пока девушка сама торопливо закусывала и, покидав в сумку столько тетрадей и черновинок, сколько могла найти, выскочила за порог. Слабая вспышка показала, что охранное заклинание активировано. Конечно, все в общежитии свои и случаи воровства крайне редки, да и воруют разве что еду, но не секрет, что некоторые студенты втихомолку занимаются изобретательством, да и частенько дома проводят алхимические опыты, доделывая домашнее задание. Так что подобная защита ставилась в первую очередь для охраны самих воришек, а не хозяйского имущества. Кому охота, войдя в чужую комнату без спроса, получить в лоб зарядом атакующей магии! Конечно, Лилька алхимией не занималась, изобретать ничего не изобретала, но у нее был кот, который сам представлял опасность для окружающих.

Из дневника кота Левиафана

Ушла. Дверцей хлопнула — мол, тороплюсь, аж вспотела! Сбежала. Отступила.

Ретировалась. Бросила на произвол судьбы, оставив умирать от недостатка любви и ласки!

Умф! А в миске что-то вкусно пахнет. Рыба? Мне? Столько? Святые котаны, теперь я в вас снова верю. Она давно не накладывала мне столько сразу. Мол, тебе, Левушка, за фигурой надо следить. А я вовсе не толстый, а пушистый, пора бы запомнить. Хотя, чтобы это доказать, меня надо либо постричь, либо помыть, а на такое я пойти не могу. Это нарушение моих прав и прекрасный повод для мести и объявления войны. Проходили уже. Когда был маленьким, меня мыли аж два раза. Как вспомню, так вздрогну...

Ладно, не будем о грустном. На вкус рыбка так ничего, есть можно. Интересно, в честь чего она такая добрая? Либо просто перестаралась, и тогда на ужин опять черствая корочка достанется и пара колбасных шкурок, либо...

Святые котаны, как же я мог забыть? Она же собирается меня отдавать в добрые руки! Ну это мы еще посмотрим, кто кого куда отдаст. Они хотят войны? Они ее получают. Но перед боем стоит подкрепиться. Кто там предлагал ужин отдать врагу? Нет уж! Мы самого врага съедим на ужин!

Ням-чавк-чавк... Вот так! Миска чистая, вылизана до самого доньшка. Теперь ждем.

2

Юноши жили отдельно от девушек, в другом крыле общежития, и из них никто не мог похвастаться тем, что не делит комнату ни с кем. Вальтер ждал подругу у лестницы и кинулся навстречу, отчаянно работая локтями:

— Лилия! Я наши объявления видел!

— Чего? Когда?

— Только что. — Вальтер сиял улыбкой от уха до уха.

— И что?

— Двух уже нет.

— Не понимаю, чему ты радуешься? Наверное, стража сняла, — проворчала Лилька.

— Нет, стража просто срывает и бросает на землю, а на стене часто остаются обрывки пергамента. А их именно сняли, аккуратно, чтобы не повредить. Значит, заинтересовались!

— Хорошо бы так, — вздохнула девушка. Она чувствовала себя не в своей тарелке. Пятница обещала быть тяжелым днем — четыре зачета, лекция, потом еще в библиотеку обязательно надо заглянуть и встретиться со своим куратором. Придется побегать. И если еще и по объявлению придут... Ох, что же делать?

— Я помогу, — как само собой разумеющееся сказал Вальтер. — На какой зачет отправимся сразу после лекции?

Одна, и единственная, если уж на то пошло, из прелестей зачетной поры состояла в том, что порядок сдачи зачетов можно было выбрать произвольно. Преподаватели постоянно находились на своих местах, и прийти можно было к любому — главное, ухитриться за день обойти всех. Из шести зачетов пока были сданы только два — по заклинаниям и курсовая работа по жизненному циклу оборотней, которую...

— Валька, ты твою... то есть мою курсовую написал?

— Да. Еще вчера.

— И отнес?

— Да. Еле успел вовремя.

— И на кафедре ничего не заподозрили?

— Не-а. Только спросили, а почему ты сама не принесла свою работу.

— И что ты сказал? — дотошно допытывалась Лилька.

— Что у тебя проблемы со здоровьем и ты сейчас...

— Дура-а-ак, — протянула Лилька. — Ну какой ты, Валька, все-таки дурак! Нет у меня никаких проблем со здоровьем, понятно?

— Но ведь ты тогда действительно в медцентре лежала, вот я и сказал...

— Соврать не мог?

— Но я же хотел как лучше! — принялся оправдываться юноша.

— Хотел как лучше, а получилось как всегда! Ладно, пошли, — скомандовала Лилька, отмахнувшись.

Криптология недавно отделилась от нежителиведения, когда была принята новая классификация нелюдей, нечисти и нежити по Ховратскому. Согласно этой классификации, оборотни, вампиры, ламии, тролли и некоторые другие существа, которые прежде считались нежитью, признаны живыми существами. Главным критерием тут считалось умение производить себе подобных. Споры велись по отношению к упырям — известно же, что у них существуют так называемые личинки, следовательно, упыри могут размножаться. Но, с другой стороны, размножение упырей происходит через заражение человека, а не «естественным путем», так что вопрос до сих пор оставался спорным. Настолько спорным, что изучению упырей был посвящен отдельный учебный предмет, по которому тоже сдавали зачет, так что на кафедре нежителиведения и криптологии студентам еще предстояло сегодня заглянуть. И упомянутые Вальтером чисто случайно «проблемы со здоровьем» могли выйти боком.

— Куда? — Юноша послушно потрусил следом.

— Сначала — на завтрак. Потом — на лекцию. А потом... не знаю еще! В любом случае упыриху оставим на закуску. Или сначала лучше ей сдать — мол, мне плохо, но я, собрав последние силы, все-таки решила... пока не станет хуже... А? Как считаешь?

— Считаю, что тебе надо сначала к алхимикам заглянуть.

Лилия и Вальтер одновременно вздрогнули и обернулись, удивленные и слегка растерянные. Не каждый день в их разговор вмешивается сама Анна Белла. Первая красавица курса поравнялась с ними и одарила парочку снисходительной улыбкой.

— Если хочешь, чтобы упыриха тебе поверила, сначала сдай зачет по алхимии, чего-нибудь при этом напортачь и демонстративно выпей получившуюся смесь. И самочувствие резко ухудшится, и зачет получишь, — промолвила она ленивым тоном.

— Как это?

— Сама думай!.. Но ты-то, Вальтер, быстро сообразишь. Ты ведь такой умный! — Решив, что и так сказала больше чем достаточно, Анна улыбнулась и величественно уплыла дальше по лестнице. Встречные расступались перед ней, провожая внимательными взглядами.

— Лилия, — раздался над ухом у девушки восторженный шепот. — А ведь она права!

Вальтер смотрел в спину уходящей красавицы глупым взглядом влюбленного. То есть настолько глупым, что Лильке стало стыдно стоять рядом, завидно, что не на нее так глядят, едва не пуская слюни от восторга. Одновременно всколыхнулась ревность — и что эта Белла себе позволяет?

— Кто? Белка? — прошипела девушка, пихнув друга локтем в бок.

— Она права! Если ты на зачете по алхимии сваришь что-то не то и потом это выпьешь, алхимик тебе обязательно поставит зачет, просто из-за того, что ты на его глазах решилась на такой поступок — на себе испытать полученный результат. И от этой химии в желудке ты действительно будешь выглядеть немного больной. И упыриха тебе поверит!

— Так ты готов поверить этой стерве Белке?!

— А что? — искренне не понял юноша. — Она ведь правду сказала!

— Вот и вали к ней, если она такая правдивая! — огрызнулась Лилька. — Давай-давай! Пошел! Чего встал?

Она развернулась и быстро поцокала каблучками по лестнице.

— Эй, ты туда или оттуда?

Кто-то пихнул локтем застывшего Вальтера. Он посторонился, продолжая смотреть девушке вслед. Потом тихо, как зачарованный, двинулся за ней.

С площадки между этажами за этой сценой наблюдали девушки, поджидавшие подруг, чтобы вместе отправиться на занятия.

— Смотреть противно, — прошептала Ивонна Швецова. — Как она его унижает... Стерва!

— Он тоже хорош, — поддакнула Аглая Борецова. — Весь наш курс знает, что фон Майнц бегаёт за этой Зябликовой, а она его в упор не видит. И ведь ему нравится, как им помыкают. Она об него чуть ли не ноги вытирает, а он: «Лилечка то, Лилечка се!» Дрянь она, эта Лилька, вот что!

— Ничего. — Яна Терчева похлопала подругу по плечу. — Придет время, она за все рассчитается!

— Девочки, вы о чем? — вытаращилась Виктория Крама.

— Ни о чем, — прошипела Яна. — И смотри, не пикни! Слово лишнее скажешь — пожалеешь!

— Я, конечно, буду молчать, — Виктория попятилась, — но вы все-таки поосторожнее! Это может плохо кончиться!

— Да ничего ей не будет, — старательно заулыбалась Яна. — Так только, проучим немного, чтоб не задавалась!

— Это давно надо было сделать, но скоро нашей учебе конец, так что напоследок можно и оторваться, — пояснила Аглая. — Так сказать, прощальный привет! После того, как вернемся с практики, будет не до того.

Сказать по правде, Лилька и сама уже через несколько минут пожалела о своей вспышке. И что на нее нашло — на пустом месте раздуть ссору? Выиграла от нее только эта Белка, которая небось теперь хихикает, глядя на дело рук своих! И Валька ей нужен. Особенно сегодня. Четыре зачета! И завтра еще два зачета и тесты. Да и поход в библиотеку развлекательной прогулкой не назовешь. А потом все выходные бегай, вещи для практики собирай, упаковывайся, договаривайся, с куратором консультируйся... А еще с Левкой проблему решать и в добрые руки его пристраивать! Столько всего за три дня решить! Нет, без Вальтера фон Майнца ей точно не обойтись. Придется мириться. Вернее, придется его простить, ведь сама Лилия себя виноватой не считала. Это Анна Белла виновата, а не она!

У порога столовой девушка задержалась якобы потому, что там собралась большая толпа. На самом деле народу было не так много — только те, у кого нулевая пара, да

третьекурсники, что вернулись с ночного похода на кладбище, вяло чавкают овсянкой. Вот кому хорошо! После «ночной смены» всегда полдня отсыпаться можно, а сегодня и так пятница, занятия сокращенные, так что половина третьекурсников с чистой совестью продрыхнет до вечера и прогуляет лекции. А если и пойдет на лекции, то лишь для того, чтобы досмотреть сны в менее комфортной обстановке. Лежа на парте.

Но главное, почему Лилия не торопилась переступить порог, — это отсутствие Вальтера и присутствие Анны Беллы. Та уже была в столовой, где сразу двое парней заняли ей столики и даже успели распорядиться с заказом. Анна за четыре года успела многим вскружить голову, причем не только на своем курсе. Под действие ее чар подпал даже кое-кто из старших парней и два аспиранта. Но, хотя с некоторыми воздыхателями она даже встречалась, ни с кем дальше поцелуев дело не заходило, почему все были уверены, что Анна уже помолвлена с кем-то из своих кузенов. Осталось только выяснить, с которым — Йозефом, Ангелом или старшим братом Йозефа, Йориком Беллой, который окончил факультет некромантии в позапрошлом году и чуть было не остался на кафедре аспирантом. Заходить в столовую, пока там эта противная Белка, Лилия не захотела и топталась у входа, посматривая по сторонам. И где только носит этого Вальку? То проходу не дает, то пропадает, когда он так нужен!

— Валь! Вальтер! — отчаявшись, позвала она.

К ее счастью, он откликнулся почти сразу:

— А?

— Ты где ходишь, Вальтер? — Девушка замахала рукой. — Иди скорее сюда! Ты мне нужен!

Она ожидала, что парень, как обычно, подбежит, сияя улыбкой, но тот подошел не спеша, всем своим видом давая понять, что просто мимо проходил.

— Чего надо? Я спешу.

— Вальтер, — Лильку неприятно поразила его холодность, но она не подала виду, — как хорошо, что ты пришел! Знаешь, я...

— Лилия, давай потом, а? Времени нет совсем!

— Время есть! — Девушка решительно схватила его за руку. — Уж пять минут ты найдешь?

— Сейчас? — Он кивнул в сторону раздаточного стола, вокруг которого толпа увеличивалась в размерах с невероятной скоростью. Словно там стоял мощный насос, притягивающий студентов как магнитом.

— Да, сейчас! — Девушка притопнула ногой. — И хватит дуться! Я на тебя не сержусь!

— Ты? На меня? — Вальтер посмотрел на ее руку, цепляющуюся за его запястье.

— Я. На тебя. Ты же не виноват, что эта Белка такая стерва! Все бы ей к людям цепляться!

Вальтер скрипнул зубами и ничего не сказал.

— В общем, я очень рада, что мы с тобой помирились, — улыбнулась девушка. — И в знак этого давай поцелуемся.

Вальтер шарахнулся от нее так, словно Лилия предложила ему как минимум раздеться догола и станцевать на столе в присутствии ректора.

— Ты чего?

— Ну, — девушка прикусила губу, чтобы не рассмеяться при виде его ошарашенного лица, — мы с тобой давно дружим, а еще ни разу не целовались по-настоящему.

— Целовались. — Голос юноши дрогнул. — На празднике весны...

— А еще на новогодие и на мой день рождения... Ну, это когда было! — беззаботно рассмеялась Лилька. — И потом, тогда все целовались, тогда не считается. Так что давай поцелуемся по-настоящему.

— Здесь? — Он невольно огляделся по сторонам. — Сейчас?

— А что тут такого? Мы быстро! Никто ничего не заметит...

И скорее, пока юноша не передумал, Лилия обняла его за шею.

На самом деле ей очень хотелось, чтобы это заметили. И заметила бы Анна Белла. Даже короткий целомудренный поцелуй в щечку и то был способен заткнуть некоторым сплетницам рты. Мол, мы настолько счастливы вместе, что не обращаем внимания на окружающих.

— Лилия, ты чего? — прошептал Вальтер, тем не менее послушно наклоняясь к ней.

— Ничего. Да поцелуй же ты меня! Ну?

И девушка сама торопливо чмокнула его в губы.

От неожиданности юноша застыл, но в следующую секунду отмер, свободной рукой обхватил подругу за талию, подтягивая ближе, потом вовсе выронил сумку с вещами на пол, облапив Лилию так жадно, что она мигом пожалела о своем порыве. Одно дело — быстрый братский поцелуй и совсем другое — то, как набросился на нее Вальтер. Нет, он не был груб, наоборот, девушка, у которой было мало опыта общения с парнями, внезапно ощутила прилив какого-то нового чувства. Это оказалось так волнительно, так странно и интересно, что она, закрыв глаза, какое-то время молча позволяла Вальтеру себя целовать. В голове мелькали сладкие видения — если так приятно целоваться с другом, то что будет, когда она впервые поцелуется с тем, в кого влюблена?

— Любимый, — прошептала она, когда на миг их губы разъединились и она смогла говорить.

— Что?

Звук хриплого прерывающегося голоса ее отрезвил. Лилька отпрянула, хлопая глазами, словно только что проснулась.

— А?

— Что ты только что сказала? — Вальтер смотрел ей в глаза. Дышал он тяжело, и выражение его лица девушке очень не понравилось.

Как странно он смотрит! Так, словно у нее рога выросли, а кожа приобрела зеленый цвет.

— Когда?

— Только что. Когда мы целовались.

— Целовались? — Она быстро бросила через плечо взгляд вокруг.

Их поцелуй не просто заметили — он произвел маленький фурор. Парни и девушки с других курсов и факультетов довольно спокойно отнеслись к столь бурному проявлению чувств, но те, кто близко знал Зябликову и фон Майнца, застыли как парализованные. В дверях образовался затор — там столбами стояли Яна Терчева, Аглая Борецова с братом и Ивонна Швецова. Еще несколько парней с их потока ободряюще кивали головами и подмигивали Вальтеру, украдкой показывая оттопыренный большой палец — мол, так держать, друг, давай еще! И, самое главное, Анна Белла буквально оцепенела и лишь хлопала глазами, не замечая вокруг никого и ничего. Ее белое лицо и разинутый в беззвучном выкрике рот были для Лильки лучшей наградой за то, что она только что пережила. Впрочем,

нельзя сказать, что ей это совсем уж не понравилось. Целоваться Вальтер, как оказалось, умел, и очень даже неплохо.

Однако то, что она увидела минуту спустя, сразу убило ее хорошее настроение. Вместе со студентами у входа в столовую собралось несколько преподавателей. Обычно они тоже приходили поесть в общий зал, особенно если народу было мало или с утра пораньше, перед нулевой парой. И надо же было такому случиться, что здесь сейчас вместе с мэтрессой Коваль и двумя аспирантами оказался мэтр Виктор Вагнер!

Декан, конечно, не мог не видеть, как она целуется с Вальтером фон Майнцем — выражение лица у него было соответствующее. И он единственный, кажется, осуждал девушку, потому что, проходя мимо, успел шепнуть:

— Ну и ну... Понятно...

Понемногу отмерли и все остальные. Студенты входили и выходили, бросая на парочку двусмысленные взгляды. Кто-то зашептался, кто-то захихикал, кто-то украдкой вздохнул.

Лилия чувствовала себя отвратительно. Даже посрамление соперницы так не радовало ее. Победа обернулась поражением, и девушка решительно оттолкнула руку Вальтера, которой он все еще продолжал ее обнимать:

— Пусти! Что ты в меня вцепился?

— Извини. — В глазах юноши мелькнула боль. — Я думал, тебе понравилось...

— Понравилось? Мне? — Лилька чуть было не брякнула что-то вроде: «Как такое может понравиться?» — но неожиданно вспомнила, что она вообще-то собиралась мириться с другом, и улыбнулась: — Очень понравилось. Ты здорово целуешься. Просто, — тут же поспешила она остудить его пыл, — мы, кажется, чересчур увлеклись, и кое-кому это, наоборот, не понравилось.

— Да уж. — Осмелевший от ее улыбки Вальтер опять притянул девушку к себе. — Не стоило делать это здесь... Но, может быть, потом... наедине, когда нам никто не помешает?

Голос его замер на вопросительной ноте, и девушка поспешила кивнуть:

— Конечно. Да. Потом. Позже. Не сейчас.

— Тогда пошли завтракать? — Он поднял с пола свою сумку, уверенным движением забросил на плечо сумку подруги.

— Не хочу. — При мысли о том, что вдруг придется сидеть за соседним столиком с самим Виктором Вагнером, у нее резко заболел живот. — Меня что-то мутит. Наверное, после вчерашнего. Побочный эффект от лекарств, так сказать. Я лучше немного поголодаю.

— Ну хотя бы чаю с булочкой?

— Чай принеси, — милостиво разрешила Лилька. — А булочку не надо.

Вальтер ввинтился в толпу, двигаясь легко и свободно, словно его несли невидимые крылья. Лилия не без зависти смотрела ему вслед, не забывая держать на лице улыбку. Хорошо ему! Таскай сумки, бери чай и хлеб, ешь свой завтрак... А ей думать надо, как жить дальше!

По давней традиции алхимические лаборатории располагались в подвалах и полуподвалах. Несущие стены были такими толстыми, да еще и усиленные дополнительными опорными конструкциями, что среди студентов давно уже

распространились слухи о том, что территория подземелий намного больше, чем кажется, там повсюду тайные ходы и по ним можно добраться в любую точку университета. Более того — через систему подземных ходов можно даже пройти из одного корпуса в другой и дальше. Например, в расположенный в том же квартале Университет богословия и инквизиции. И в прежние времена, когда велись религиозные войны, Колледж некромагии частенько становился настоящей крепостью. Пусть у него не было грозных стен, рва с водой и земляного вала, утыканного острыми кольями, но защитники могли уйти в подземелья, откуда выкурить их было практически невозможно. Собственно, это был университет в университете. Почти вся кафедра алхимии располагалась под землей: три аудитории, несколько кабинетов для практических занятий, хранилища дорогостоящих препаратов и лаборатории, где изготавливались используемые на занятиях зелья. Не говоря уже о том, что тут разместились филиал библиотеки, где находились труды по алхимии, зельеварению и изготовлению лекарств. Будущие целители и ветеринары тоже занимались здесь составлением лекарств, у них имелись собственные аудитории и кабинеты. А были еще кладовые, сушильни, коптильни, валяльни... Короче, без карты и стрелок с указателями не разберешься. Во многих помещениях постоянно стеной стоял дым, витали неприятные запахи, а лаборанты-алхимики, занимавшиеся научной работой, ходили бледные, с кругами под глазами и такими замученными лицами, что студенты, которые спускались сюда лишь от случая к случаю, шарахались от них, как от привидений. Время от времени где-то за стеной что-то взрывалось, разбивалось со стеклянным звоном или слышалось зловещее шипение пара.

Лилька, сколько занималась алхимией, столько не могла понять, чем руководствовались те, кто устраивал кафедру в подвалах. Тут и так темно и страшно, откуда-то веет холодом и доносятся странные звуки, ну а если что-то взорвется, то есть опасность обрушения потолка и всей части здания на голову незадачливых экспериментаторов. Правда, преподаватели уверяли, что стены защищены дополнительными заклинаниями, но все равно сама мысль о том, что вдруг придется провести тут лишние полчаса, вызывала дрожь в коленях. А каково тем студентам, кто обучается на этой кафедре? Они проводят здесь четыре из шести учебных дней, поднимаясь на поверхность только для занятий теорией магии, боевой магией и нежитеведением. Неудивительно, что алхимики даже на портретах в Зале Славы выглядят так, словно их только что на минутку выпустили из камеры пыток, где морили голодом и мучили бессонницей.

В аудитории, где должны были принимать зачет по алхимии, накануне проходило какое-то другое занятие. Пахло жжеными костями, птичьим пометом и почему-то фиалками... На центральном столе, длинном и узком, были выставлены многочисленные пробирки, колбы, горелки с установленными над ними котлами, какие-то склянки и бутылки. На одних имелись этикетки с названиями, на других — либо условные значки, либо номера, либо вообще ничего. В нескольких больших банках плавали заспиртованные жабы, змеи, ящерицы и части органов. Лилька с интересом рассматривала глазные яблоки, пытаясь определить, сколько их там и хватит ли на каждого в группе, если им зададут одно и то же задание, где в рецепте используют этот компонент.

За преподавательским столом, который в нескольких местах был прожжен и заляпан пятнами, среди которых засохшая кровь была самым безобидным компонентом, восседал незнакомый преподаватель. От упомянутых портретов в Зале Славы он отличался только тем, что был живым и относительно молодым.

— А где... мэтр Гавел? — Студенты озирались по сторонам.

— Занят, — коротко, не вставая, ответил преподаватель. — Я за него. Сейчас он принимает зачет у моей группы, — алхимик болезненно поморщился, — в то время как я проконтролирую, чему вас научил мой коллега. Меня зовут мэтр Макмис. Прошу любить и не жаловаться. Вставайте к столу!

Студенты прошли вперед.

— Это вы хорошо сделали, что оставили свои вещи в передней комнате. — Мэтр Макмис покивал головой, сцепив пальцы в замок. — Здесь они вам не понадобятся. Все, что вам нужно, находится тут, на столах. Если этого на столах нет, значит, пробуете обойтись тем, что в наличии, при необходимости заменяя один препарат на другой или синтезируя самостоятельно. Понятно?

Лилька осмотрела ту часть стола, у которой остановилась. Кошачья моча, настойки белладонны, цикута, льняное масло, желчь, кровь, порошок из жженных костей, несколько пучков травок, из которых она с легкостью опознала только зверобой, крапиву и одолень-траву. Негусто. Будем надеяться, что...

— Вопрос можно? — Это, конечно, спросила Анна Белла, уверенная, что ей при ее внешности и происхождении — фамилия Белла была широко известна! — можно иногда нарушать правила. — Мы должны использовать только то, что находится непосредственно перед нами или на всем столе вообще? — Девушка обвела рукой добрую часть аудитории.

Мэтр Макмис посмотрел на нее очень внимательно, словно запоминал.

— Как ваша фамилия? — поинтересовался он.

— Белла. Анна Белла.

— Вы не родственница...

— Александер Белла — мой двоюродный брат, — отчеканила девушка, с вызовом потряхнув волосами.

— Да, в вашем распоряжении весь стол, — помолчав, сказал алхимик. — Но волосы придется убрать. Нарушение техники безопасности. Ко всем относится. За торчащие волосы, неопрятный внешний вид и грязь под ногтями буду снижать балл.

— А грязь-то вам чем не угодила? — возмутился кто-то.

— Как фамилия?

— Лец, — буркнули из задних рядов. — Станимир Лец.

— Лец, — повторил мэтр Макмис с таким видом, что болтуна тут же сочувственно похлопали по плечу — мол, все, парень, ты попал. — Запомню. И поставлю вашему куратору на вид. Грязь под ногтями — это химическое вещество не на своем месте. Попав в ваше... произведение, грязь под ногтями может существенно изменить состав зелья. И как следствие результат будет далек от задуманного. А ваша оценка столь же далека от той, которую вы надеетесь получить. Понятно, студиозус Лец?

Парень что-то пробурчал.

— Итак, приступим. Тяните билет! Студиозус Лец...

Парень окинул взглядом однокурсников, но сочувствия почти ни у кого не встретил. Каждый наблюдал за ним со смешанным чувством любопытства и тревоги — ему первому предстояло узнать, что уготовил мэтр Макмис. Кто-то, конечно, будет разочарован, а кто-то и обрадован — все зависит от того, какой билет вытянет он сам, Станимир Лец.

Рука замерла над разложенными листочками, пошевелила пальцами, а потом, словно живущая своей жизнью, начала странный танец. Сначала пальцы потянулись к первому

билету во втором ряду, потом отсчитали от него шесть влево, перескочили на третий ряд, отсчитали три вправо, метнулись к первому ряду, почти коснувшись третьего билета в ряду — лишь для того, чтобы, описав полукруг, коснуться...

— Интересно, — нарушил напряженное молчание преподаватель. — И по какой же схеме вы работаете? Хемниц-Сташевского? Или, может быть, профессора Любечанского?

— Э-э... — заблеял парень.

— Билет, — напомнили ему. — Быстро! Взять!

Рука дрогнула. Пальцы коснулись белого прямоугольника.

— Есть! Взять! Живо!

Лец машинально подчинился.

— И что там?

— Противоупыриная мазь по Куббику, — пролепетал он.

— Отлично. Надеюсь, вы помните ее состав и сможете повторить на практике? — Мэтр Макмис широким жестом указал на лабораторный стол. — Там есть все, что вам нужно.

— И даже... — Лец посмотрел на билет с таким видом, словно ждал, что вот-вот буквы на нем сложатся в легендарное «поздравляю! Вы выиграли счастливый номер!». — Даже этот... ну как его...

— Секретный ингредиент, о существовании которого каждый студент «знал, но забыл в самый последний момент»? — как-то нехорошо усмехнулся алхимик. — Да, и он там есть. Бутылочка с номером «13А». Ищите и обрящете! Следующий!

Станислав Лец сорвался с места с такой скоростью, что едва не сбил с ног другого парня, решившего попытаться счастья. По иронии судьбы Лecu достался один из самых сложных билетов.

Лилька колебалась, с тревогой посматривая на стол преподавателя. Уже семеро «счастливых» получили задания, которые в общем-то были однотипными — сварить то или иное зелье, настойку или изготовить мазь. Яне Терчевой досталась микстура от зеленой лихорадки. Брат и сестра Борец по той же иронии судьбы должны были изготовить яд и противоядие к нему и сейчас яростно перешептывались, решая вопрос, кто чем будет заниматься. И пока никто не вытянул счастливого билета. Он скрывался под одним из белых листков. Листков по традиции было больше, чем студентов, раза в полтора, так что тот, кто подходил к столу последним, все равно стоял перед выбором — какой из десяти билетов тот самый?

...На каждом экзамене в обязательном порядке один из билетов был счастливым. Это был либо пустой листок — значило, что студент сам мог выбрать тему, на которую ему хочется отвечать, либо на нем было отпечатано...

— Пошли? — Вальтер робко коснулся рукой ее запястья. После странного поцелуя юноша ходил как пришибленный, ловя со всех сторон сочувственные и понимающие взгляды, так что никак не мог понять, повезло ему или нет.

У стола с их стороны только они двое пока не взяли билета. Остальные уже корпели над заданиями: лихорадочно шевелили губами, пытаясь вспомнить, из каких ингредиентов состоит универсальный русалочий отпугиватель или сколько именно капель кошачьей мочи следует добавить в раствор антикрысина. Другие перебирали пузырьки, склянки, коробочки с порошками, выискивая нужное, и яростно перешептывались:

— Поддай мне вон тот бутылек! Да-да, этот, где номер семнадцать! Что там, на доньшке, написано? Одолень-трава? Нет, поставь на место... А вон тот, коричневого стекла? В нем

что?.. Вау, то что надо!

— Нет! Это мое!

— Как — твое? А мне?

— Потом отолью чуть-чуть.

— Лей быстрее!

На противоположной стороне стола тоже не все еще получили задания, присматриваясь к остальным.

— Через два часа начну проверку, — мэтр Макмис перевернул песочные часы, — и тот, у кого задание не будет готово хотя бы наполовину, не получит зачет.

Некоторые растворы должны были кипеть минимум час. При мысли о том, что время уходит, Лилька сама дернула Вальтера к преподавательскому столу. С другой стороны, словно только этого и ждала, устремилась Анна Белла.

Юноша галантно пропустил девушек вперед, и Лилька схватила первый попавшийся билетик, молясь только об одном — чтобы сопернице досталось задание посложнее. Даже не глядя на то, что ей выпало, она направилась к столу и уже там посмотрела на листок. Всего два слова, написанные печатными буквами: «Вурдалачий чих».

— Ой, мама...

— Самое оно, — раздался над ухом медовый голос Анны Беллы. — Ты справишься!

Лилька прикусила губу, чтобы не выругаться.

«Вурдалачий чих» был настойкой со столь едким запахом, что у некоторых вызывал приступ, сходный с приступом аллергии. Но, как ни странно, на самих вурдалаков он не действовал. То ли в силу специфики этих тварей, то ли еще почему. Но находиться в комнате, где готовили эту настойку, было решительно невозможно. Самые слабонервные даже в обморок падали еще на подготовительном этапе.

— В чем проблема, студизус... девушка, не знаю вашего имени? — окликнул ее мэтр Макмис.

— Вот. — Лилька протянула ему билет. — Можно, я другой возьму?

— Нет. Но можно заменить практику теорией... частично!

Значит, ей все-таки придется начать варить самое вонючее зелье из тех, что проходили в семестре! Может, Валька чем поможет?

— Валь? — шепотом позвала девушка. — Валька, ты...

И тут она заметила, что юноша все стоит у преподавательского стола, держит в руках билетик, и руки эти трясутся, словно их кто-то дергает за ниточки. И алхимик смотрит на студента снизу вверх так, словно собирается принести ему искренние соболезнования, но не знает, что сказать.

— Валька. — Голос девушки дрогнул. — Валь...

Кроме счастливого существовал еще и несчастливый билет. В нем всегда давали тему, которую студенты должны были пройти только через год. Или вообще из закрытой области знаний. Или просто: «Вы не сдали экзамен. Приходите осенью». Вот так, как говорится, без суда и следствия. Одна девушка на факультете целителей в позапрошлом году, вытянув такой вот несчастливый билет, пыталась покончить с собой. Неужели Вальтер тоже...

Лилька подошла, робко дотронулась до руки юноши:

— Ты чего?

Вместо ответа тот молча сунул ей билет. Девушке пришлось ущипнуть себя, чтобы поверить в написанное: «Вы имеете право сварить любое зелье на ваш выбор».

— Счастливый? — Лилька протянула листок алхимику. — Это ведь счастливый?

Студенты восторжались, услышав заветное слово.

— Да, — важно подтвердил мэтр Макмис. — Поздравляю вас, студиозус...

— Фон Майнц, — представила друга Лилька. — Вальтер Максимилиан Вернон граф фон Майнц.

— Очень хорошо. Вы свободны, студиозус фон Майнц. — Преподаватель склонился над списком студентов, ставя пометку напротив его фамилии.

Вальтера провожали завистливыми взглядами. «Любое зелье» означало, что он мог наобум смешать в пробирке два первых попавшихся препарата и, с гордым видом продемонстрировав свое творение, все равно получить зачет, даже если сам не помнил, что и в каких пропорциях сливал. А уж если смог не только сделать смесь, но и назвать ее основные компоненты...

— Валька, милый, — Лилька подтянула его к столу, — я так за тебя рада! Это так здорово! Завидую!

— Завидуешь... А я готовился, — с непонятной интонацией ответил юноша, машинально окинув взглядом пробирки, колбы, пузырьки, ступки для растирания сушеных трав.

— Ну, если тебе так уж хочется чего-нибудь сварить и совершенно все равно, что делать, — девушка улыбнулась, — то, может быть, пригостишь вот это?

И она протянула ему свой билет с «Вурдалачьим чихом».

— Вот нахалка! — шепотом прокомментировала Лилькино предложение Анна Белла.

— Завидуешь? — усмехнулась Лилька. — Завидуй молча!

— Да было бы чему! Чужим умом мы все гениальны! А ты сама попробуй, не выезжая вечно за счет других! — зло оскалилась Анна.

Лилька сердито поджала губы. Значит, она ни на что не годна? Значит, она постоянно выезжает за счет других? Да Вальтер сам то и дело предлагает ей помощь и поддержку! Это все Белла от зависти говорит — к ней на требушетный выстрел никто не подойдет, чтобы помощь предложить! Не то чтобы еще за чем-нибудь! Тем более что Вальтер фон Майнц и умный, и красивый, и знатного рода! А эти Беллы, несмотря на свою династию, до сих пор дворянского титула не получили. Даже за деньги!

— Стой тут, — шепотом распорядилась девушка, кивнув Вальтеру. — Смотри, что я буду делать... Тебе ведь все равно заняться пока нечем?

И решительно схватила две пробирки — с кошачьей мочой и экстрактом белладонны.

— Перец, — шепотом подсказал Вальтер, глядя в другую сторону.

— А? Какой перец?

Анна Белла захихикала.

— Молотый, — процедил юноша, краснея.

— И без тебя знаю, — огрызнулась Лилька. — Ты его тут видишь? — Она обвела рукой столешницу. — Я — нет!

Перца действительно не было в зоне видимости. Нет, у кого-то он должен быть — молотый перец входит в состав шести или семи смесей, две из которых уже попались в билетах другим студентам! — но не побежишь же спрашивать у всех и каждого. Лилька стиснула зубы, отчаянно ища выход.

— Вон, — услышала она сдавленное шипение. — Слева...

Вальтер еще что-то цедил сквозь зубы, но девушка уже заметила крохотную табакерку.

Конечно! Как она могла забыть! Иногда перец можно заменить нюхательным табаком, только в другой пропорции.

— Спасибо, — быстро шепнула она, хватая коробочку и щедрой рукой высыпая табак в чашку. Туда же по одному полетели остальные компоненты смеси. За некоторыми пришлось тянуться к столам соседей, один — чемерицу — Вальтер принес с другого конца стола, заодно по собственной инициативе прихватив еще и кровяную сыворотку, в которой и надо было разводить все компоненты.

Лильке оставалось лишь благодарить его и готовить все для смешивания, а потом нагревать смесь. Вот уж чего она умела делать хорошо! Особенную радость ей доставила именно Анна Белла. Та все-таки замешкалась, ибо боялась запустить руку в банку с жабыми внутренностями и несколько минут крутилась возле нее, пытаясь подцепить нужный орган то палочкой, то пинцетом. Ну прямо кошка, которой и хочется сливочек со дна кувшина, и морда не пролезает, и лапа не достает! Левка бы решил проблему радикально — скинул кувшин на пол и спокойно вылизал осколки.

Левка... Левиафан. Кот, от которого ей надо срочно избавиться, если она хочет поехать на практику и получить диплом некроманта. А заодно не стоит забывать и о том, что сам Виктор Вагнер не выносит кошек. Жалко, конечно, но иногда ради любви надо идти на жертвы.

Подумав об этом, она так крепко стиснула стеклянную палочку, которой помешивала смесь, что та треснула.

— Лилька! — Вальтер, коршуном следивший за девушкой, вцепился ей в запястье. — Больно?

— Ой!

Девушка с удивлением уставилась на свою ладонь. Одна стеклянная щепочка впиалась в кожу. Ранка уже начала саднить и жечь, как всегда бывает, когда в кровь попадает «лишняя алхимия».

— Я сейчас. Стой спокойно! — Юноша сорвался с места.

— Мама! — пискнула Виктория Крама, увидев кровь.

— Спокойно, — вскочил мэтр Макмис. — Без паники! Студиозус... э-э... как вас?

— Зябликова, — подсказал кто-то.

— Студиозус Зябликова, на какой стадии ваша работа?

Ответить Лилька не успела — вернулся Вальтер с какой-то чашкой, в которой плавала белая комковатая жидкость, похожая на не до конца свернувшуюся простоквашу.

— Нет времени смешивать, — пояснил он. — Очень больно?

Лилька только кивнула, пытаясь понять, так ли ей себя жалко, как больно и страшно. С одной стороны, осколок стекла в ладони, да еще выпачканный в алхимической дряни, — приятного мало. А с другой — рядом Вальтер. Он сейчас все исправит.

И он действительно все сделал. Вытащил осколок, потом густо намазал ладонь девушки этой «простоквашей», не переставая шептать одними губами исцеляющий заговор. В конце концов болеть перестало, краснота сошла, и девушка пошевелила пальцами:

— Валь, ты чудо!

— Э-э... — Мэтр Макмис внимательно посмотрел на чашку с остатками мази, подцепил на кончик ногтя немного, поднося к носу, вдыхая запах. — Молодой человек... как вас?.. Фон Майнц?.. Какой у вас был билет?

— Счастливый. — Вальтер почему-то засмутился.

— Да уж... Перейти на кафедру алхимии не желаете? Аспирантура вам гарантирована.

— Ё... — высказался кто-то.

— Обычно мы за такие высказывания штрафуем, — невозмутимо сказал алхимик. — Но на сей раз сделаю исключение. Итак, ваше решение, студиозус фон Майнц?

— Да нет, наверное, — пожал тот плечами. — Я уже привык. А тут... случайность.

— Ваше право. Итак, зачет вы получаете. Студиозус Зябликова, на чем вы остановились?

— Вот. — Девушка другой рукой придвинула чашку со смесью. — Вместо молотого перца мне пришлось использовать нюхательный табак и осталось только смешать и довести до кондиции.

— Понятно. Зачет.

Лилька не удержалась и из-за плеча преподавателя показала Анне Белле язык.

Согласно технике безопасности после работы в алхимических лабораториях было необходимо вымыть руки, а иногда и вовсе принять душ и переодеться полностью, вплоть до нижнего белья. Для этого были устроены специальные кабинки для умывания, и девушки, получившие зачет, наперебой устремились к ним — умыться и «припудрить носик», чтобы хоть немного отбить запах алхимических зелий.

Лилия только склонилась над рукомойником, как ее окликнули заговорщическим шепотом:

— Лилька!

Она оглянулась, заметила выглядывающую из-за угла Аглаю Борецову.

— Чего тебе?

— Тсс...

Вид у подруги был такой загадочный, что девушка без колебаний последовала за ней. Аглая поманила Лилию за угол, воровато озираясь по сторонам, и, едва они остались наедине, резким движением набросила на них обеих полог невидимости. Окружающие предметы тотчас утратили четкие очертания, а все звуки словно выключились.

— Ты чего?

— Только никому не говори, — Аглая продолжала озираясь по сторонам, словно не надеясь на свое заклинание, — но у тебя большие проблемы.

— Что случилось? — Для Лильки после вчерашнего все остальное казалось таким несущественным...

— Тебя хотят убить.

Девушка заставила себя рассмеяться:

— Глупости! Поумнее ничего не могла придумать?

— Я не придумала. Я подслушала. Антон с кем-то беседовал. У того голос был изменен, но брата-то я всегда отличу! В общем, — Аглая понизила голос, — кто-то тебе какую-то пакость хочет устроить. Про что там речь шла — я не поняла, но сначала думали тебя предупредить, а потом решили: пусть она ничего не знает.

Лилия покачала головой. Все это ей решительно не нравилось. Только этого вдобавок ко всем проблемам не хватает!

— Если это правда, то во всем виновата Белла, — сказала она. — Больше никому. Она меня давно терпеть не может!

— Как бы то ни было, но ты будь осторожнее, — подмигнула Аглая. — И помни: никому не полслова. Даже Вальтеру!

— Ему тоже нельзя рассказать?

— Ему тем более! Ты что, фон Майнца не знаешь? Он же со своей любовью к справедливости тут такого натворит — мама не горюй! До выпускного расхлебывать будем!

Что правда, то правда. Вальтер фон Майнц был воспитан в рыцарских традициях и даже с упырями пытался соблюдать кодекс чести. Во всяком случае, всегда предоставлял нежити право первого удара, чтобы потом с чистой совестью сказать, что он «только защищался».

— Ты поняла? — Аглая потрепала Лилию по плечу. — Или повторить?

— Поняла, — нахмурилась девушка. — А ты точно не преувеличиваешь?

— Обижает! За что купила, за то и продаю! Все-таки Антон мой брат и, если будут проблемы, мне брата надо будет выручать. Так что ты это, будь осторожна. Не попадись. А то всем плохо будет! Поняла?

Лилия снова кивнула, и Аглая, подмигнув: «Ну, я помчалась! И помни, что мы ни о чем не говорили!» — упорхнула по своим делам, напоследок разрушив полог невидимости.

Но убежала недалеко. Остановившись за поворотом, перевела дух и сосредоточилась, пытаясь успокоиться. Как это, оказывается, сложно — вести двойную игру!

4

Словно насмехаясь над студентами — мол, нам не надо, чтобы все было просто, нам надо, чтобы вы замучились! — занятие втиснули между двумя зачетами. Так что, едва отмывшись от алхимических зелий, четвертый курс устремился в одну из аудиторий, где им предстояло выслушать лекцию... по истории некромантии и черной магии. В виде исключения читал ее сам ректор, осанистый седой мужчина, по внешности которого никак нельзя было сказать, что ему уже семьдесят лет. Все давали ему хорошо если пятьдесят. Он возвышался на кафедре, опираясь на нее, и казался полководцем, вдохновляющим свои войска на бой.

— Вы все, — говорил он, — скоро вступите во взрослую жизнь. Да, я не оговорился. Пока вы еще учитесь жить, учитесь управлять жизнью. Пока вы ни за что не отвечаете — за вас отвечают другие. Но счастливому ничегонеделанию вот-вот настанет конец. Как показывает практика, не все молодые люди выдерживают столкновение с реальностью. Иные, лишь одним глазком взглянув на так называемый взрослый мир, тут же пугаются открывшихся перспектив. Их угнетает простор, страшит и ослабляет волю необходимость принимать решения и нести за них ответственность. Они часто убегают от реальности. Некоторые уходят в вымышленные миры, другие просто слагают с себя ответственность и продолжают вести прежний образ жизни как ни в чем не бывало. Как бы не так! Всю жизнь провести, прячась от жизни, невозможно. Другого мира, в котором все будет так, как вас устраивает, не существует. Вы живете тут — вот и живите! Все, что вы можете сделать, — это изменить этот мир, приспособить его под себя или приспособиться под него...

— Бла, бла, бла, — прошептала Лилька, — к чему нам все это? Мы же не выпускники! У нас есть еще целый год...

— Не надо думать, — словно отвечая на мысли девушки, продолжал ректор, — что раз вы пока еще учитесь, то у вас нет никакой ответственности. Вы впервые отправляетесь на самостоятельную практику. Ваши кураторы будут подле вас, но не они будут нести за вас ответственность. Большею частью вы будете предоставлены сами себе. С чем вам там

придется столкнуться — известно одному Свентовиду. Эта практика — не только проверка ваших знаний. Это проверка вас как молодых специалистов. Проверка на принадлежность к профессии некроманта. Для большинства из вас реальность может оказаться шоковой. И это тоже практика — как вы справитесь. Не секрет, что для некоторых из вас первая практика станет и последней. Кое-кто усомнится в себе, подумает о том, чтобы перевестись на другой факультет, скажем, к алхимикам... Если у кого-то возникнет такое желание, знайте — никто вас не осудит. Наоборот, в некоторых случаях мы будем только приветствовать подобный перевод. Ибо лишь практика поможет вам оценить перспективы и сравнить, в какой области ваши знания, умения и навыки окажутся наиболее востребованными.

Лилька смотрела на Вальтера и заметила, что и ректор тоже смотрит на него. Не каждый год представители знатных семейств удостаивали университет честию пополнить ряды студентов юными аристократами. И всякий раз им старались обеспечить наилучшие условия.

— Итак, — продолжал ректор. — Ваша практика. Ко всему прочему, вы еще и будете представлять лицо нашего университета. В прошлом бывали моменты, когда люди с предубеждением относились к молодым некромантам. Если мы обратимся к истории некромантии как науке, то следует заглянуть вглубь веков...

— Ну, понеслось. — Лильке было скучно, впрочем, не только ей. Записывать было практически нечего, многое из того, что говорил сейчас ректор, они уже слышали на первом курсе, сдали экзамен по истории магии и, как полагается, сразу же выбросили из головы ненужный балласт. Зачем их теперь грузят? Не знают, чем занять время?

— Ты после лекции на какой зачет пойдешь? — пихнула Лилька локтем Вальтера.

— А? — Парень, кажется, внимательно слушал разглагольствования ректора, даже рот открыл. — Не решил еще.

— У нас пентаграммостроение, потом еще боевая магия и теория магии, — вспомнила Лилька. — Тесты пишем только завтра... А, еще упыриха. С чего начнем?

— С начала, — отмахнулся Вальтер.

— С какого?

— Ну, — юноша вздохнул, — можно с пентаграммостроения. Быстро сдадим и можем быть свободны.

— Пентаграммы так пентаграммы, — кивнула Лилька. — Ты их все помнишь?

— Угу. Слушай, не мешай, а?

— Не поняла. — Девушка даже развернулась к нему вполоборота. — Тебе что, интересно? Мы все это на первом курсе слушали целый учебный год! Даты битв, биографии знаменитых некромантов, законы «за» и «против» нашей профессии, великие научные открытия, влияние науки на историю, Война Трех Королей, Музей Славы, инквизиция...

— Да, — прошипел Вальтер. — Мне это интересно! А вдруг мы отправимся на практику туда, где когда-то проходили важные исторические события? Мы должны быть достойными представителями своей профессии!

Нет, все-таки Вальтер фон Майнц чудной. Лилька его решительно не понимала. Но он ее друг, а друзьям надо прощать маленькие слабости. Тем более он умный.

Она устроилась поудобнее на скамье и приготовилась слушать.

Профессор пентаграммостроения, маг-теоретик, вечно перепачканный мелом, известкой, углем, сангиной, выглядевший и пахнувший так, словно ночевал в мастерской

живописца, причем прямо на незаконченных набросках, встретил студентов, потирая руки.

— Похвально, — сказал он, — похвально, что вы решили заявиться ко мне в таком количестве. Обычно пентаграммостроение оставляют на закуску, считая, что начертить пятиконечную звезду и вписать ее в окружность — плевое дело и незачем тратить на изучение одного столько времени. А потом начинается: и лучи стоит расположить в соответствии со сторонами света, и ориентировать ее в пространстве с учетом времени суток и высоты солнца над горизонтом в это время года, и символы следует выбирать, учитывая, в каком доме находятся луна и солнце, а также через какой знак зодиака они прошли и как давно... Я уж молчу про то, что в разных случаях следует чертить пентаграммы разного вида и типа. И что есть ситуации, когда надо просто ограничиться кругом, а есть — когда придется потратить полчаса только на предварительные расчеты. А знания основных законов астрономии, алгебры и геометрии тут требуется больше, чем талант живописца... Хотя и рисовать тоже надо уметь. Да-с!

Зачет по пентаграммостроению проходил под открытым небом — на специально огороженном плацу в стороне от строений. Там же обычно сражались ведьмаки, и утоптанная до твердости камня земля местами была перепахана так, что стоять на ней было трудно, а местами она оплавилась так, что ее не брали никакие лопаты, не то что нож для начертания магических символов.

— Внимание, — потер руки профессор, — на счет «три» рассредоточились по местности с таким расчетом, чтобы между вами и соседом было по меньшей мере два локтя свободного пространства... с учетом вашей пентаграммы. Работаем на скорость. Раз... два... пошли!

— А... — студенты озирались по сторонам, — где чертить?

— Там, где стоите, — махнул рукой профессор. — Обстоятельства могут оказаться любыми. Мелком на гладких досках хорошо, а вот тут, на земле... Время идет! Считаю до десяти и начинаю проверять! Кто не успел, зачета не получит! Ну! Раз... два...

Говорить «три» ему не пришлось. Вся группа опустила на корточки, кто-то и вовсе шлепнулся на колени и принялся елозить по земле, не жалея штанов, но большинство все-таки старались действовать аккуратно. Как-никак, мы же не в реальных условиях? Где вы тут упыря... слышали!

Слышали?

Упыри не разговаривают, это факт. Как и чем может говорить полуразложившееся тело, у которого в жизни одна забота — хватать и рвать все, что движется? Все эти теории о разумности упырей, все эти попытки изучать их образ жизни, как правило, заканчивались смертью исследователя — как раз в упыриных желудках. Только единицы остались в живых, и то потому, что занимались изучением не самих упырей, а записей своих неудачливых коллег. Но вот на чем сходились все, так это на том, что упыри могут издавать звуки. Хриплое дыхание, сип, надсадный рев...

И все это студенты услышали. И заработали вдвое быстрее. Ну, почти все.

— А чем чертить, профессор? — захлопала глазами Яна Терчева. — Вы не могли бы...

— Съедена! — Тот мигом подскочил к девушке и дернул ее за руку, ставя рядом с собой. — Можете быть свободны!

— Но, — Яна захлопала глазами, — а как же зачет?

— Зачем? Зачем зачет мертвецу? Вы не получаете зачета. Но, если догадаетесь и правильно ответите на вопрос «почему?», разрешу прийти на пересдачу завтра. Так почему?

Девушка часто-часто заморгала глазами. До нее стало что-то доходить.

— Но так не честно! — воскликнула она. — Мы же на экзамене! Вы должны обеспечить нас необходимыми предметами для работы!

— Студиозус Борец!

— А? — Парень выпрямился. Он один из немногих работал, стоя коленками в пыли и яростно взрезая землю перочинным ножом.

— Вы слышали слова вашей соученицы, студиязуса Терчевой?

— Ага.

— И что вы об этом думаете?

Лилька тихо захихикала. Сама она тоже вначале растерялась и какое-то время топталась на месте, не зная, за что хвататься, но верный Вальтер перебрал ей нож с возгласом: «Черти!» — и она взялась за дело, в то время как друг продолжал орудовать найденным тут камешком, который он за секунду до этого выколупнул из земли, поддев тем же ножом. Так что пентаграмма у Лильки была почти готова, осталось дорисовать кое-какие мелочи.

— Ну, — Борец выпрямился, морща лоб, — ей надо было нож взять...

— А вам самим?

— Чего? У меня есть! Вот! — Парень гордо продемонстрировал орудие труда.

Аглая, возле которой он как раз этот круг и чертил, смотрела на него со смешанным чувством восторга и тревоги.

— А что надо было делать вам самим?

— Так я же делаю! Вот! — Работа Бореца тоже была почти готова, не считая нескольких символов.

— Вы должны были чертить защитный круг для себя, а не для другого человека! Для другого вам следовало чертить пентаграмму только в случае...

Голос профессора замер на вопросительной ноте, но все и так видели то, что сделали брат и сестра Борец. Брат чертит защитный круг вокруг сестры, которая стояла в середине и лишь следила за его действиями, время от времени подсказывая: «Вот тут прямая линия! Север там!» При этом сам Борец оставался снаружи, ползая на коленках и пытая от натуги.

— Отлично. Превосходно! — Преподаватель разве что не приплясывал на месте. — Итак, у нас два... нет, даже три незачета! И это до того, как я начал проверять работу! Время вышло. Всем прекратить! Встать. Смирно. Кто попытается исправить или что-то дорисовать в своих художествах, получит незачет! Раз... два...

Говорить «три» ему опять не пришлось. Парни и девушки дисциплинированно выпрямились. Встал и Борец. Штаны у него были выпачканы в пыли и грязи.

— Но почему «незачет»? — ворчал он. — Я же все правильно рисовал... И она моя сестра! Я был должен ее как-то... ну...

— Защитить? Погибнув сам? Благородный поступок. Однако какой в нем смысл? Вы — будущие некроманты, вы должны понимать, что смерть — это не конец. Что мы так или иначе продолжаем существовать и дальше...

— В упыриных желудках, — проворчал кто-то.

— Иногда — да. Можно продолжить существование в своих детях... хотя вам об этом рано думать. Можно остаться в памяти потомков благодаря своим деяниям... Но эти деяния должны быть умными! Каков смысл в вашем самопожертвовании? Погибнуть в зубах упыря, спасая родного вам человека?

Брат и сестра Борец стояли перед ним, опустив головы.

— Но мы же на экзамене... — робко пролепетал брат. — Это же не...

— Не настоящая жизнь, так? Нет, господа студиязусы, это не так. Вы разве забыли лекции по философии о том, что все взаимосвязано и жизнь — это то, что постоянно происходит с нами? Мы каждый день решаем задачи, на которые нет ответа. Каждый день принимаем решения, которые нельзя изменить. Ни один день нашей жизни нельзя прожить заново. И есть ошибки, которые мы никогда уже не исправим! Сегодня вы спасли от смерти сестру, но погибли сами. Мертвому зачет ни к чему... А вы, — продолжал профессор, обращаясь уже к Аглае, — не получаете зачета потому, что палец о палец не ударили ради своего спасения.

— Почему это «не ударила»? — тут же возмутилась девушка. — Я ему подсказывала!

— Вместо того чтобы действовать самой. Девушки, — волоча за руку Яну Терчеву, профессор прошелся между пентаграммами других студентов, — поймите, что нежными, робкими, хрупкими, язвительными и остроумными, в меру невоспитанными стервочками вы можете быть в светских салонах, и то лишь где-то в глуши, где ваше поведение еще можно списать на оригинальность. Или в среде вам подобных стерв. Но на работе или среди действительно воспитанных людей надо вести себя иначе. Нет, воспитанные люди не сделают вам замечания, если вы не умеете держать язык за зубами, но их мнение о вас упадет и никогда уже не поднимется. И при работе некроманта то же самое. Вы должны забыть о том, что вы хрупки, нежны, робки или, наоборот, самодостаточны и циничны. И просто молча делать свою работу. Упырю нет дела до вашего морального облика, привычек и чувства юмора. Вы для него — мясо.

— Но мы же на экзамене, — робко подала голос Виктория Крама. — Где здесь упыри?

— Где? Там!

Профессор ткнул пальцем в деревянный домик, где обычно хранились метлы, мешки для мусора и лопаты, с помощью которых плац готовили к испытаниям. Только сейчас все заметили подпирающую стену упыриху, преподавательницу криптологии. Стены пестрели защитными символами, а изнутри неся хриплый стон.

— Упырь — там. — Она кивнула на дверь, зловеще сверкнув глазами. — И будьте уверены — на выпускном экзамене ваш-шего курса мы не будем его запираТЬ.

После этого остальным шутить как-то расхотелось. На их потоке смертей пока еще не было — парочка травм и нервных срывов не в счет, — но обычно на каждом курсе кто-то погибает. И большинство — на экзаменах или на практике.

— Я могу его нейтрализовать, коллега? — окликнула упыриху преподавателя пентаграммостроения. — Или он вам еще нужен?

— Нет-нет, мэтресса Олле. Благодарю вас!.. Итак, вас троих жду завтра в шесть часов здесь же. Но не торопитесь уходить. Возможно, к вам присоединится кто-нибудь еще.

Выставив злосчастную тройцу в рядок, профессор прошелся между пентаграммами других студентов, придирчиво осматривая их творения.

— М-да, — покачал он головой, — надо было, пожалуй, выпустить его побегать... Как, мэтресса Олле? Можно?

— Увы, нет. — Та вдохновенно совершала пасс за пассом, стоя напротив дверцы, за которой упырь уже не стонал, а хрипел и шкрябал когтями по доскам. — Я уже накинула «петлю» и с-слегка его придушила. Сейчас он отключится...

— Жаль. А то у него был бы обед из нескольких блюд. На первое — студиязус Земниц, на второе — студиязус Люблинец... У вас двоих есть шанс получить зачет, — обратился он к

парням, — если вы прямо сейчас найдете у себя ошибки и исправите их, пока я разбираюсь с остальными... Отличная работа, студиязус Белла. Поздравляю!

Анна зарделась. Вслед за ней зачеты получили Людмила Монс и Виктория Крама.

— Где ваш нож? — Следующим был Вальтер фон Майнц. Юноша стоял перед преподавателем, сжимая в кулаке камень. — Только не говорите, что забыли дома. Ножны от него вы не забыли, как я вижу.

Все уставились на юношу, и тот смущенно пожал плечами.

— Я ей отдал, — кивнул он на подругу.

Лилька мигом почувствовала себя в центре внимания и невольно ощетибилась. Взгляды некоторых сокурсниц были очень красноречивыми.

— И сами воспользовались подручными средствами, — заметил профессор, намекая на камень в кулаке Вальтера. — Очень умно. Просто высший балл. Конечно, рисунок требует доработки, но, учитывая, как мало было у вас времени, и принимая во внимание, как и сколько вы успели сделать... Зачет! Вам и студиязусу Зябликовой. Молодцы! Так держать! И прошу остальных обратить внимание на прекрасный образец дружбы и взаимовыручки. Мои поздравления!

Лилька смутилась.

— Ничего себе! — возмутилась Аглая. — Почему ей зачет? Она тоже была с пустыми руками... И тоже, если бы не кое-кто другой...

— Вы меня внимательно слушали, студиязус Борецова? — как-то даже устало поинтересовался преподаватель. — Когда же вы поймете, что вовсе не обязательно жертвовать собой ради других? Мы, некроманты, имеем особые отношения со Смертью. На лекциях по истории науки вам читали о так называемых Супругах Смерти — избранных счастливицах, которых сама богиня выбирает в каждом поколении и дарит своей благосклонностью? Неисповедимы ее пути. И она не всегда выбирает самого сильного, мудрого и удачливого. Она выбирает достойного, того, кто не спешит умереть красиво, но глупо, а вместо этого предпочитает жить и действовать по-человечески.

Студенты закивали головами. Про Супругов Смерти они слышали. Биографии некоторых изучали на уроках истории. И на пунцового от смущения Вальтера теперь смотрели с удивлением и интересом. Лилька даже ощутила что-то вроде укола ревности — неужели Вальтер может ее бросить ради богини?

— Я не скажу, что именно студиязус фон Майнц окажется тем избранным, — как ни в чем не бывало продолжал преподаватель. — Я просто обратил внимание на его поступок — достойный того, чтобы кое-кто обратил на этого юношу внимание. И чтобы вы задумывались над тем, что и как совершаете.

Он пошел дальше, раздавая направо и налево замечания и похвалы.

Колокол! Наконец-то все закончилось и можно было с чистой совестью прерваться. Профессор недовольно скривился, но кивнул — мол, идите, с голодными студиязусами каши не сварить, сам таким был. Он даже не слушал сбивчивых заверений в том, что они только пообедают и честно-честно кинутся опять к нему на ковер. Задержались двое-трое неудачников, которые просто-напросто напортачили в своих рисунках и не могли выбраться без посторонней помощи.

Лилька вернула Вальтеру нож:

— Спасибо. Ты меня спас...

— Да ладно, — покраснел еще больше он. — Спас... скажешь тоже... я сделал то, что на

моем месте сделал бы любой...

— Не любой! Борецы вон не такие.

Они обернулись на брата и сестру, которые вместе с Яной Терчевой, Альфредом Земницем, студюзусом Люблицем и преподавателем пентаграммостроения разбирали ошибки троих студентов, которые ухитрились начертить пентаграммы задом наперед. Теперь контуры их рисунков буквально вывернуло наизнанку, и сами авторы творений не могли из них выйти, оказавшись в положении вызванных духов или, наоборот, нейтрализованных заклятием упырей.

— Зябликова! Студюзус Зябликова, не слышите, что ли?

Девушка остановилась. К ней спешил дежурный аспирант.

— К вам пришли, — сообщил он с недовольным видом.

— Кто? — удивилась Лилька.

Родных в Зверине у нее не было, разве что какая-нибудь седьмая вода на киселе по материнской линии, о которых даже сама мама уже не помнила. А что до настоящих родных, то бабушка слишком стара для долгих поездок, а отец с матерью ни за что не бросят дела и младших братьев-сестер ради того, чтобы лишний раз повидать блудную дочку.

— Откуда я знаю? — пожал плечами аспирант. — Старуха какая-то. Говорит, что по объявлению.

По объявлению! Лилька почувствовала, как рука Вальтера сжала ей запястье. Уже? Так скоро?

— Уже? — повторила она. — Так скоро?

— Уже, — кивнул Вальтер. — Но, может, оно и к лучшему?

— Да, — вздохнула девушка. — К лучшему. Сразу отделаться и...

У нее будет еще два дня, чтобы привыкнуть к отсутствию в ее жизни кота. Сказать по правде, от Левиафана были одни проблемы. Вечно он гадил мимо лотка, хорошо еще, что в теплое время года предпочитал делать это в кустах под окном — метил территорию — правда, только по весне. Вечно его шерсть была по всей комнате и на всех вещах, вечно он валялся на ее постели и будил весьма резко — то садясь на лицо, то с диким мявом прыгая на живот откуда-то из-под потолка. Вечно она за ним прибирала, выискивая скатанные в шарики и загнанные в угол конспекты и носки. А уж сколько он ел и как орал на подоконнике, пока не откроешь форточку! И пропадал иногда на несколько дней, возвращаясь похудевшим, потрепанным и злым настолько, что сама Лилька ходила с расцарапанными руками. И с подружками нормально не посидишь. Левиафан гонял со своей территории всех, терпя, и то с написанной на морде жалостью и презрением, только того же Вальтера. А уж что касается личной жизни... Бабуля что, нарочно подарила ей этого монстра, чтобы лишить внучку возможности встречаться с мужчинами?

А теперь всему этому настанет конец. Хорошо это или плохо — покажет время. Бабушка расстроится, это факт. А вот сама Лилька — вряд ли. В крайнем случае можно завести лысую кошку. Говорят, такие есть. Виктор Вагнер, конечно, пойдет любимой на уступки.

Мысль о Викторе Вагнере перевесила все сомнения и сожаления. Да, ради любви можно пойти и не на такие жертвы!

У ворот топталась неопрятная старушка, в которой опытный взгляд сразу мог опознать ведьму. Во всяком случае, Лилька издалека почувствовала, что магическая сила у нее есть, только небольшая. Она обеими руками прижимала к себе большую корзину с крышкой. Лилька решительно вырвала свои пальцы из ладони Вальтера и прибавила шаг.

— Здравствуйте. Я — Лилия Зябликова, студентка четвертого курса факультета некромантии. Вы хотели меня видеть? Что вам угодно?

— А котика угодно. — Старуха прищурилась, меряя девушку цепким взглядом. Заметно сникла, когда наткнулась на ответный взор Вальтера, воздвигшегося рядом. — По объявлению. Это же у вас котик есть на пристройство?

— У нас. — Лилька переглянулась с Вальтером. — То есть у меня. Мой кот. Мне уехать срочно надо, а кота девать некуда. Возьмете? Кот хороший...

— Правильный?

Девушка нахмурилась. Про правильность бабуля ей что-то такое говорила, но Лилька, умиленно сюсюкающая над рыженьким пушистым комочком, ее плохо слушала.

— Да. Правильный.

— Беру! — Ведьма шагнула вперед, и дежурный поспешил заступить дорогу, на всякий случай вскинув руки в отвращающем жесте.

Дежурный был с факультета боевых магов, а у тех уже к третьему курсу вырабатываются рефлексы — сперва запустить боевым заклинанием, а потом уже смотреть, в кого ты попал. И то их больше интересует, надо ли добить противника, а не его личность.

— Назад! — гаркнул он. — Посторонним вход воспрещен! Пропуск!

Ведьма тоже ошетичилась, перехватывая корзинку одной рукой, и Лилька торопливо вырвала оную из рук старухи:

— Ждите здесь. Я принесу!

Из дневника кота Левиафана

Нет, ну как это называется? Никакого почтения к чужому личному пространству! Про личную жизнь вообще молчу! Только я вознамерился вздремнуть, дабы скоротать время до обеда, как налетели, подхватили, запихнули в корзинку и...

Святые котаны, куда она меня несет? Неужели к ветеринарам? И добро бы к профессионалу — так нет же, два года назад, когда я занозу посадил, она таскала меня к этим коновалам с соседнего факультета. Ветеринар-недоучка — это хуже, чем некромант без диплома. Мало того что вместе с занозой удалили всю шерсть на лапе, так еще и потом вместо волос на ней начали отрастать колочки! Сколько хозяйке пришлось помучиться, прежде чем она их вывела! Не хочу лечиться! А если подошел срок давать мне глистогонное, а я забыл? Или — что намного хуже — ей не дают покоя мои причиндалы? Это вообще вандализм! Мя-а-ау! Свободу честным котам!

Что она там бормочет? Я так ору, что самому не слышно...

— Тише, Левушка, все будет хорошо!

Фык-фык-фык! Как бы не так! Знаем мы это «хорошо»! Это ей будет хорошо, а мне — позор на всю жизнь!

— Левушка, не ори!

Буду орать! Во всю глотку буду! Смотрите все, коты добрые! Куда мы катимся? Меня! К ветеринару! Ни за что ни про что! Без суда и следствия! Спасите! Помогите!

— Что-то он слишком уж шумно себя ведет, — озабоченно покосился на корзинку

Вальтер. — Тебе не кажется...

— Ничего особенного. — Лилька нервничала и кусала губы. — Он же практически никогда в корзинках не сидел. Даже когда совсем маленький был. Бабушке его в корзинке принесли, так она издалека услышала, что это его несут...

Голос у девушки дрогнул, и она прибавила шагу. Кот орал благим матом, извивался внутри плетеной конструкции так, что сквозь частые прутья была видна только огненно-рыжая шерсть и понять, где у него голова, а где хвост, не представлялось возможным. Время от времени корзинка угрожающе трещала, и Лилька уже представляла, как она разваливается прямо посреди улицы и...

Ничего не произошло, хотя Вальтер с другой стороны поддерживал ее ношу. Вдвоем они дотащили его до ворот, где топталась новая хозяйка. Ведьма переступала с ноги на ногу, озираясь по сторонам и, кажется, была готова бежать сломя голову.

— Принесли? — Она проворно наклонилась к корзинке, пытаясь заглянуть внутрь. — Ах, какой красавец! Ути, моя радость! Иди к мамочке! Ну-ка... Ой!

Она попыталась просунуть между прутьями палец, но напоролась на выставленный коготь. Отскочила, затрясла рукой — подушечка указательного пальца была проткнута, как шилом. Несколько капель шлепнулись на землю.

— Ой. — Лилька невольно попятилась, ожидая, что теперь старушка откажется и уйдет. — Извините, он... э-э...

— Милый котик! — Ведьма посасывала ранку. — Люблю таких. Если есть характер, остальное приложится.

— Но он... э-э... ну, дикий. Неужели...

— Все хорошо, деточка! Я его беру!

Быстро накрыв палец выхваченной из кармана тряпицей, ведьма пошептала на ранку, дунула, плюнула и весело подмигнула девушке:

— Вот! И никаких проблем! — И сдернула тряпицу, как балаганный фокусник. От глубокой раны осталось только розовое пятнышко, которое быстро таяло, сливаясь по цвету с кожей.

— Ух ты! — восхитился Вальтер.

— Понравилось? — подмигнула ведьма. — Учись, студизус! В ваших академиях такое не преподают. Это настоящее ведовство...

— А я знаю, — оцетинилась Лилька, которой не понравилось, как ее друг пялился на эту старуху. — У меня бабушка ведунья.

— О как? — живо заинтересовалась ведьма. — Я ее знаю?

— Может быть... Меганой ее зовут.

— Не Мегана Бульк? Из Грознева?

— Нет, из Верхних Мышек, — призналась девушка, которая, если честно, знать не знала о прозвищах ведьм. Бабушка рассказывала, что у каждой ведьмы кроме имени есть не только еще одно, тайное, которое они ни за что не откроют посторонним — увы, внучка тоже была посторонней! — но и прозвище. Прозвище можно называть при общении с другими людьми, если это не совсем чужие. Скажем, родственники или общие знакомые.

Ведьма покивала головой, улыбнулась, но заметно насторожилась.

— Передавай бабушке привет. И при случае... а, ладно... Пойду я!

С этими словами она быстро выхватила у Лильки корзинку и заторопилась прочь.

— Погодите! — Девушка рванулась следом. — А от кого привет? И где вас найти?

— Привет? — на ходу оглянулась ведьма. — От кого? От Лолы Рыбачки. Я тутошняя, столичная. У реки живу.

— Передам, — закивала Лилька. — А живете вы где?

— Тебе зачем? — Ведьма воровато оглянулась по сторонам, сделала кукиш и махнула им в воздухе, словно отгоняя кого-то невидимого.

— Ну... как-нибудь потом заглянуть... Кота проведать. Левиафаном его зовут, — вспомнила она. — Можно Левкой. Он рыбу только сырую ест, а вот курятину в любом виде обожает, что сырую, что вареную, что...

— ...что ворованную? — угадала ее мысли ведьма и скривилась. — Русалочий тупик, последний дом слева. А лавка у меня в Рыбацком конце. Приходи, так и быть. О бабушке поговорим.

Она засемила своей дорогой, двумя руками придерживая корзинку, которая ходила ходуном. Изнутри доносились глухие завывания и приглушенный рев, который никак не вязался с мыслью о том, что его источником служит животное размером с кошку. Прохожие, идущие навстречу, шарахались от старухи с ревущей корзиной, как от чумы.

Лилька закусила губу, глядя ей вслед, и даже вздрогнула, когда Вальтер взял ее за локоть:

— Пошли. Нам пора.

— Пора, — убитым тоном повторила девушка. — Ага... Только...

— Тебе его жалко? Но ведь...

— Ты ничего не понимаешь. — Она притопнула ногой. — Левка такой ранимый... такой неприспособленный... Он никогда со мной не расставался. Для него это стресс. После пяти лет взять и отдать...

— Но ты же сама...

— Что ты все заладил: «сама» да «сама»! Уйди! Чурбан бесчувственный! — Лилька готова была расплакаться.

Валька, конечно, хороший друг, но иногда он просто бесит. Нет бы обнял, по голове погладил, утешил как-нибудь! Неужели он не понимает, как она сейчас нуждается в утешении? Неужели не знает, как надо поступать с плачущей девушкой? Вот Виктор Вагнер, наверное, сразу бы понял...

— Лиль, ну ты чего? Не плачь, Лилия! — Он слегка дотронулся до ее руки. — Не надо так!

— А как? — разозлилась девушка, потому что парень ничего не делал из того, чего она ждала. То есть не обнимал, по голове не гладил, не утешал по-всякому и вообще что там еще мужчины обязаны делать...

— Не знаю... — растерялся он.

— Не знаешь — иди учись, студизус! В академиях такому не научат, — ввернула она присловье ведьмы и сорвалась с места.

Тоже испытанное средство. Мужчина должен сорваться вдогонку за плачущей женщиной... а не стоять, тупо хлопая глазами. Нет, Валька, он...

Девушка завернула за угол — мелькнула мысль спрятаться ото всех — и внезапно налетела на кого-то, кого за пеленой слез не сразу рассмотрела. Поняла только, что это мужчина, высокий, в темном костюме, — и она с разбегу уткнулась носом ему в грудь.

— О боги! — выдохнул тот, подхватывая девушку за локти. — Студизус Зябликова? Что случилось? На вас лица нет...

На Лильке действительно не было лица. Запрокинув голову, она во все глаза смотрела на

Виктора Вагнера, в чьих объятиях неожиданно оказалась. Надо же было такому случиться? Точно говорили на лекциях по теологии — все в мире взаимосвязано и стремится к равновесию. Если сейчас тебе плохо, значит, это либо компенсация за то, что еще недавно было хорошо, или, если плохого слишком много, значит, жди чего-то хорошего, что уравновесит. И если у тебя судьба счастливая, значит, у кого-то несчастная, а вместе все равны и на одном уровне.

— Я... я... — залепетала она, не сводя с любимого преподавателя глаз.

— С вами все в порядке? Вы плакали? Отчего?

— Просто так. Я... — О боги, надо срочно что-то придумать. — Я просто расстроилась...

— И чем же таким?

— Ох, все так навалилось, все так запуталось. Я просто не знаю, как объяснить, — отчаянно бормотала Лилька.

— По поводу практики?

— И практика, и зачеты... и вы, — вырвалось у нее.

— А что я?

— Ну... — Девушка почувствовала, что краснеет. В кои-то веки ей представилась возможность пообщаться с самим Виктором Вагнером наедине, а она не знает, что сказать. — Я за вас переживаю...

— А что со мной не так?

— Ну, эта аллергия... Вы же были у целителей, значит, все серьезно? Вдруг вы заболете и не сможете...

— ...отправиться на практику? — Он улыбнулся, и девушка почувствовала, как от этой улыбки у нее подгибаются колени.

Не думая, что и зачем делает, она вцепилась в сюртук декана, прижимаясь к мужчине, чтобы не упасть. И почувствовала, как руки на ее плечах ожили и плотнее обхватили добычу. Обычно за этим следует поцелуй, ибо когда мужчина вот так обнимает женщину... То есть когда он должен ее так обнимать...

— Да! — выдохнула Лилька. — На практику с вами!

— Ах да. — Улыбка декана слегка изменилась. — Практика. С понедельника. Не переживайте так, студия Зябликова, с ней все будет в порядке.

— Лилия, — сообщила девушка. — Меня зовут Лилия.

— Лилия, — повторил он. — Знаете, а вам... хм... идет.

Девушка восприняла это как намек и попыталась обнять декана за шею.

Выскочивший из-за угла Вальтер заранее успел сбавить скорость, и двое обнимающихся его не заметили. Юноша быстро отступил, прижимаясь к стене, и впился зубами в свой кулак. Он не был сторонником решать все споры с помощью грубой силы, будущий некромант должен понимать, что сильно отличается в этом плане от других людей, но именно сейчас юноше ужасно захотелось кого-нибудь ударить, что-то сломать, разбить... Не в силах справиться с нахлынувшим чувством, он несколько раз ударил кулаком по стене. Содрал кожу до крови, но бил до тех пор, пока в запястье что-то не хрустнуло.

Правая рука! Если перелом или вывих, он сегодня вряд ли сможет сдать зачет по фехтованию. Да и завтрашний тест под вопросом...

А, не все ли равно! Пусть хоть совсем выгоняют! Он перейдет к алхимикам. Лишний год

проучится, чтоб нагнать программу, ну да ничего. Так даже лучше. И мама с отцом будут довольны — алхимики могут получать придворные должности. Их иногда даже назначают послами или сопровождающими лицами важных людей. Карьера ему обеспечена. А потом он женится. На какой-нибудь девушке голубых кровей с родословной, тянущейся чуть ли не от самого сотворения мира. И забудет Лилию...

Руки на плечах Лилии слегка напряглись, но не для того, чтобы крепче прижать к себе девушку, а чтобы мягко отстранить.

— Вы уже успокоились, студия Зябликова... э-э... Лилия? — Мэтр Вагнер сверху вниз заглянул ей в глаза. — Может быть, вы пойдете? Или вас проводить?

— Я, — девушка растерялась, — я к вам шла.

— Ко мне?

— На кафедру. Понимаете, мне кое-что надо было вам сказать... очень важное... личное! Наедине!

— Наедине? — Декан поднял голову, огляделся по сторонам с таким видом, словно за каждым углом притаилось по шпиону и еще несколько соглядатаев подсматривало из окон. Как назло, рядом были два корпуса: второй корпус факультета целителей и третий корпус факультета некромантии, а чуть в стороне, за садом, стояло приземистое здание — корпус факультета боевой магии с примыкающим к нему тренировочным плацем.

— Ну если действительно надо поговорить наедине, то прошу.

Он галантно подал девушке руку, и Лилия не преминула этим воспользоваться. Улыбка мелькнула на ее губах. Какая жалость, что ее не видит никто из девчонок! Пройтись под руку с самим Виктором Вагнером! Предел мечтаний для девчонок всего факультета! А достался главный приз ей, скромной Лилии Зябликовой. Она, конечно, не глупая, не двоечница и довольно симпатичная. И характер такой, какой нужно — скромная и вместе с тем решительная и напористая. Мужчины таких любят. Главное — вовремя показать свои достоинства и не выпячивать недостатки... если они есть.

За ней следили не только жадные глаза Вальтера фон Майнца. Накинув полог невидимости и стараясь поменьше шевелиться и помалкивать — иначе вся маскировка полетит к бесам! — три девушки следили за парой.

— Вот стерва! Вешается ему на шею! Ни стыда ни совести!

— Тише ты. Услышит.

— Она? Да Лилька глухая как пень! И слепая к тому же — дальше собственного носа не видит!

— Она, может, и не видит, а мэтр Вагнер все замечает! Видели, как он в нашу сторону смотрел?

— Ой...

— Думаете, заметил?

— Да все может быть. Он же Вагнер! Его дед, говорят, голыми руками упыря завалил.

— Правда?

— Ты что, не знала? Все знают! Сходи в Зал Славы — там на витрине череп упыря выставлен. И если он нас тут увидит, нам конец. Вышибут как пить дать. Да еще волчий билет дадут. Тогда вообще без образования останемся.

— Девочки, смотрите! Они уходят! Уходят вместе!

- Вот дрянь.
- Главное, что сейчас они нас не заметили.
- Нет, девочки. Я так не могу! Я ей сейчас...
- Стой! Куда? Маскировку нарушишь...

[Купить полную версию книги](#)

notes

Первый месяц весны, соответствует нашему марту. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Обращение к священнику, от слова «правь», сиречь правильный, настоящий.

Самая крупная денежная единица, равная десяти злѳтым.